

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ

ОТМОРОЗКИ:
НОВЫЙ ЭТАЛОН

Боевая фантастика (АСТ)

Андрей Земляной

Отморозки: Новый эталон

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Земляной А. Б.

Отморозки: Новый эталон / А. Б. Земляной — «АСТ»,
2017 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-982395-7

Над Россией сгущаются тучи. Слишком большая территория, слишком много ресурсов, слишком слаба власть, чтобы удержать разрываемую в клочья державу. Можно ли всё изменить и не залить страну кровью, можно ли примирить кровных врагов: большевиков и царскую семью? Можно ли вообще что-то сделать? Два человека, попавших из нашего времени во времена революционных преобразований, сделают это и ещё много невозможных вещей, потому, что они не отступают и не сдаются. Потому что они русские, к тому же полные отморозки.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-982395-7

© Земляной А. Б., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	15
3	25
4	36
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Земляной

Отморозки: Новый эталон

© Андрей Земляной, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону

1

Его Императорское Величество Николай II Александрович вместе с Его Императорским Высочеством Цесаревичем Алексеем Николаевичем посетили Отдельную Георгиевскую Патронада Императорской Фамилии иттурмовую дивизию.

Во время встречи Его Императорское Высочество высказал пожелание принять участие в занятиях дивизии. Генерал-лейтенант Анненков приказал взять Его Императорское Высочество Цесаревича на занятия для нижних чинов и обер-офицеров. Начальник штаба Отдельной Георгиевской Патронада Императорской Фамилии иттурмовой дивизии генерал-майор Львов лично провел Его Императорское Высочество Цесаревича по «полосе препятствий» и лично обеспечил участие Цесаревича в занятиях дивизии. Его Императорское Высочество Цесаревич отметил, что подготовка бойцов дивизии превосходит все виденное им ранее, и выразил пожелание в дальнейшем пройти службу именно в этой дивизии.

Газета «Петербургские ведомости», 26 июня 1916 г.

– Пошел! – громкий хлопок в ладоши, и два десятка бойцов сорвались с места.

В отличие от обычной полосы препятствий, Анненков требовал, чтобы его иттурмовики тренировались в полной боевой выкладке и в условиях, максимально приближенных к боевым. Бойцы бежали по полосе, напоминавшей развалины городской улицы, то скрываясь в каких-то руинах, то вновь появляясь на виду.

Цесаревич прижался к шинельному сукну отцовского рукава и заворуженно смотрел, как бойцы на бегу валят выстрелами мишени, как проскакивают через очаги горящего напалма и как шипят огнеметы, добавляя огня и дыма...

– Государь, цесаревич, пожалуйста, пригнитесь, – негромко сказал Анненков. – И вы, ваше высочество, – повернулся он к цесаревне Ольге.

Отец и сын, уж не в первый раз наблюдавшие занятия дивизии, не возражая, пригнулись, но Ольга Николаевна, просто не поняла просьбы генерала. Она не пригнулась, а напротив – чуть не по пояс высунулась из небольшого окопа, чтобы получше рассмотреть бегущего вместе со своими солдатами генерала-майора Львова, к которому цесаревна испытывала эдакое... эдакое... Собственно, она и сама не знала, как назвать те чувства, которые будил в ней этот воин с изуродованным лицом, о котором шепотом рассказывали какие-то удивительно страшные и даже жуткие истории. Пожалуй, лучше всего подошло бы определение «сердечное томление»...

...После знакомства с тогда еще полковником Львовым цесаревна дала отставку своему прежнему поклоннику Дмитрию Шах-Багову, с которым познакомилась в Царскосельском госпитале. Молодой эриванский гренадер покорила ее своей ладностью, подтянутостью, которая оставалась у него даже в больничной палате, вытеснил из сердца цесаревны воспоминания о лейтенанте с яхты «Штандарт». Но Глеб Львов – могучий, крепкий, точно скала, невероятно сильный, полностью занял ее мечты. К тому же Ольга прекрасно понимала: если что, то породниться с отпрыском князей Львовых еще могут разрешить, а вот с никому неизвестным Шах-Баговым... Ой, вряд ли!

И вот именно теперь, когда она любит предмет своего сердечного томления, когда она вглядывается, напрягая глаза, в эти искусственные развалины, в которых генерал-майор

Львов обучает героев-штурмовиков, на собственном примере показывая, как нужно и должно сражаться, – в этот самый момент ей велят пригнуться?! Да ни за что!..

Анненков слишком хорошо знал, что сейчас произойдет. Львов-Маркин очень часто переходил все мыслимые и немыслимые границы, стараясь довести свою тяжелую штурмовую пехоту до совершенства. Там, в руинах – четыре полупудовые мины, три пудовые и одна – двухпудовая, рассчитанная на разрушение долговременных оборонительных сооружений. И они начнут рваться самое большее – через тридцать секунд...

Цесаревна в своем голубом доломане Елизаветградского гусарского полка, чьим шефом она являлась, высунулась прямо под возможные осколки от взрыва... Вот дура!..

В тот момент, когда земля содрогнулась от взрыва тридцати двух килограммов амматолы, Борис резко обнял Ольгу и пригнул ее силой к земле, прикрывая своей спиной. И сразу же зашипел от боли: увесистый обломок кирпича от всей души врезал ему под лопатку, да так, что перехватило дыхание.

Ольга разгневалась от неожиданного объятия, но тут же воздух над ее головой наполнился обломками кирпича и комьями земли, разбросанными мощным взрывом. Она услышала глухой звук удара, увидела, как страшно перекосилось от боли лицо Анненкова, и не рванулась прочь из его рук, а попыталась осторожно высвободиться, прошептав:

– Пустите, меня, я – квалифицированная сестра милосердия. Я помогу вам...

– Уже помогли, – на грани слышимости выдохнул чернокудрый «андреевский есаул». – Боюсь, ваше императорское высочество, что если вы продолжите свою помощь, я могу ее и не пережить...

Ольга снова собиралась рассердиться, но в этот момент генерал-лейтенант в парадной черной форме Георгиевской штурмовой дивизии подмигнул ей, да так весело и лукаво, что она невольно улыбнулась ему в ответ. Правда, когда она увидела тот обломок, что ударил в широкую спину Анненкова, то снова встревожилась:

– Вам нужно немедленно показаться врачу! – заявила она безапелляционно и пояснила отцу и брату, что произошло. – Может быть внутреннее кровоизлияние или контузия...

– Увы, ваше императорское высочество, я и в самом деле контужен, – Борис уже справился с болью и теперь говорил легко и уверенно. – Контужен... в самое сердце... Кто бы мог подумать, что озорник Купидон может не только стрелять из лука, но и швыряться камнями?!

Комплимент цесаревне понравился: в меру откровенен, в меру ироничен, причем ирония над собой, а не над ней. А она слышала, что Анненков грубоват, даже более грубоват, чем ее Львов... Ее?.. Нет, нет! Она не какая-нибудь светская вертихвостка и не меняет поклонников, словно бальные митенки... Генерал-майор Львов – вот кто у нее на сердце сегодня! Но, конечно, генерал Анненков... Ольга бросила на стоявшего рядом с ней красавца быстрый взгляд: ах, есть в нем что-то, есть... А вот интересно: о чем он сейчас думает?..

В этот самый момент Борис Владимирович размышлял о том, какие аргументы можно еще привести своему отмороженному товарищу, чтобы он перестал наконец использовать при обучении взрывные устройства большой мощности. В прошлый раз, при взрыве двух пудов взрывчатки три человека оказались в госпитале с переломами ног, а еще одного контузило так, что он и по сию пору слегка заикается. И как объяснить Львову, что условия, приближенные к боевым, это – замечательно, но приближенные к боевым потери – это вот никуда не годится! А сам Львов, бежавший вместе со своими штурмовиками и изрядно потевший под тяжелой кирасой, думал о том, что после этого взрыва опять придется вызывать в часть дантиста и зубного техника, потому что от сотрясения почвы крошатся зубы...

После учений в дивизии дали обед в честь императора и членов его семьи. Николай с удовольствием отведал из солдатского котла окуневой ухи, приятно удивился рыбным котле-

там, которые подавались на второе, и воздал должное сладким пирожкам с ягодами и крепкому ерофеевскому чаю. К удовольствию императора, все в дивизии – от нижних чинов до самого командира – ели одно и то же и из одинаковой посуды – простых жестяных мисок. Разве что офицеры ели не деревянными ложками, а нейзильберовыми¹ трофейными, на которых кайзеровские орлы были забиты словом «Россия».

Во время обеда Ольга искоса поглядывала то на Анненкова, то на Львова. Перед тем как сесть за стол, командир Георгиевской штурмовой вызвал своего начальника штаба в кабинет, и там они что-то обсуждали, а потом долго кричали. То ли друг на друга, то ли вместе по какому-то поводу. Кажется, они обсуждали животных, чему цесаревна очень удивилась, и она даже усомнилась в том, ясно ли расслышала слово «муфлон». Да нет, вроде бы так Борис Владимирович и сказал: «Муфлон!», а потом еще что-то добавил, только она нечетко расслышала. Не то «кабан», не то «орлан»...

И еще было странно, что про животных они спорили как-то очень сильно. Ольга сама видела, как Львов из кабинета командира вышел с каменным лицом и стиснутыми до белого кулаками. Анненков вслед за ним тоже вышел мрачнее тучи. И чего им сдались эти дикие бараны?..

Цесаревна еще поискала глазами – где там похожий на тяжелое каменное изваяние Глеб. Ей иногда казалось, что и сам он словно вытесан из тяжелого крепкого серого гранита. А вот Анненков – не такой. Он словно бы стальной клинок: гибкий, но прочный и такой же сильный и грозный... Да что это она, в самом-то деле?! Зачем опять в мысли ее лезет «черный генерал»?!! Чего он?!!

Ольга обозлилась на себя, даже за руку себя ущипнула. Вот же привязался к ней этот атаман. Его так все в дивизии и зовут: «атаман». Даже нижние чины к нему обращаются не «ваше превосходительство», а попросту. Например: «Атаман, разрешите доложить». Или: «Атаман, там то-то и то-то...», «Атаман тут надо...», а то и просто: «Сделаем, атаман!» Так в армии не положено, хотя если посмотреть и подумать... Может быть, так и нужно? Георгиевская штурмовая так воюет, что с немцами от одного только названия этой дивизии нервные припадки случаются! Она вдруг вспомнила, как смешно задержался похожий на старого моржа вислоусый Гинденбург, когда к нему в Зимнем дворце подошел Борис и, смерив его взглядом, поинтересовался: «И как вам, генерал, русская зима? Скажите спасибо, что вы к нам не зимой в плен попали...»

Ольга представила себе, как по заснеженной русской дороге бредет толпа немцев в кургуzych серо-голубых шинелях, а впереди мерно вышагивает, опираясь на стек, Гинденбург, подняв воротник и обмотав голову вместе с фуражкой каким-то странным клетчатым шарфом. И по обочинам едут казаки Анненкова с пашками наголо, а над дорогой метет и выюжит...

Гинденбург с поднятым воротом брел перед ее глазами словно живой, и цесаревна невольно прыснула. А возглавляет колонну сам «атаман» Борис, и ветер чуть треплет его смоляной чуб... ОПЯТЬ?! Да что он все время лезет в ее мысли?! Сам он – муфлон! А еще – кулан! И дикая зебра!..

...Автомобиль фыркнул и остановился возле дома на Гороховой. Борис вышел и уверенно зашагал к подъезду. По какому-то странному стечению обстоятельств – а может быть, вовсе и не странному, а вполне закономерному, основные контакты с царской семьей и ее ближайшим окружением легли на плечи Анненкова-Рябинина. Львов-Маркин как-то очень естественно стал основным контактером с РСДРП(б) и теперь уже не только напрямую общался с

¹ *Нейзильбер* (нем. Neusilber – «новое серебро») – сплав меди, никеля и цинка. Дешевле мельхиора, а посеребренный не отличим по внешнему виду от настоящего ювелирного серебра. В Германской Кайзеровской армии столовые приборы из нейзильбера были штатными в офицерских столовых.

большевиками, находившимися в России, но и, по его же собственному выражению: «активно пополнял полное собрание сочинений». Это означало, что Глеб вступил в активную переписку с Лениным, обменялся с ним уже шестью письмами и сейчас лихорадочно писал седьмое, в котором яростно доказывал возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране.

В некотором смысле Анненков завидовал своему товарищу: Николай – собеседник скучный и не очень грамотный, так что рассказывать об их беседах и спорах с императором чаще всего просто нечего. Да и не интересно. Разговоры же с Распутиным носили скорее некий профессиональный, однобокий характер, а тяжеловесный крестьянский юмор сибиряка оказался еще и не всегда понятным, и всегда – плоским. А рассказы Львова о его диспутах с большевиками даже Сашенька Хаке слушала с открытым ртом: Глеб не только умен, но и рассказчик – первый класс. Так свои контакты с большевиками описывает, что ой! Борис невольно улыбнулся, вспомнив, как они вместе с Шурочкой хохотали до слез, до икоты, до колик в животе, слушая повествование о встрече генерала Львова с большевистской ячейкой Петрограда. Смешнее всего оказался тот факт, что в результате этой встречи собравшиеся единогласно утвердили Глеба руководителем Петроградской парторганизации и только после голосования вдруг вспомнили, что так и не успели принять своего свежеизбранного главаря в члены РСДРП(б)...

Все еще улыбаясь, Борис вошел в квартиру Григория Ефимовича и сразу же угодил в лапы хозяина, который ждал его в прихожей. То ли углядел в окно подъехавший автомобиль, то ли почувствовал его приближение своей необычной натурой...

– Здорово, генерал. Что-то ты меня забыл совсем. Не заходишь, к себе не зовешь. Обиделся на что?

– Дела, Гриша, дела, – отмахнулся Анненков. – Иной раз и присесть некогда. Слышал, верно, про затею с Константинополем?

– Как не слышать, – ухмыльнулся Распутин, – когда папашка всем только об этом и говорит! Оченно ему в Царьград на белом коне въехать охота, аж спасу нет.

– На белых конях иногда и на эшафот заезжают, – сухо обронил Борис и стиснул кулак.

– И так выходит, – кивнул Григорий Ефимович. – Бывает. Однако ж я ты не про то звал покумекать. Проходи давай, – он широко махнул рукой и слегка поклонился, смешно закачав бородой. – Щас чайку сварганим, мадерки тяпнем да и покалякаем об том, об сем...

– ...Нет, Гриша, хоть режь ты меня, – Анненков глотнул чаю и отставил стакан в сторону. – Ни черта из этого не выйдет! Сколько раз уже говорено-переговорено. Сейчас мы войну выигрываем, а потом по долгам расплачиваться придется. Какой у России внешний долг? Миллиардов пятьдесят? Вот нам их и придется выплачивать. Значит, налоги увеличивать. А это народ, который и без того нищий, и экономику нашу дохлую окончательно вгонит в коллапс...

– Куды? – приподнял лохматую бровь Распутин. – Куды вгонит? – Впрочем, он тут же засмеялся, хотя смех и был невеселый. – Ладно, ладно, не поясняй. Чай, тоже по-непонятному гуторить могу. Ан папашка-то тоже не адивот. Он, вишь, какую штуку удумал: шас мы германца-то еще подопрем, а посла папашка хранцузам да англичанишкам – бац! Прямо в лоб: так, мол, и так, давайте-ка, драгоценные, маслом мазанные, сахарной крошкой обсыпанные, по-честному все делить! Кто больше воевал, тому больше и брать! Нам, стало быть, славян, Пролиты и денег мешок, а вы уж остальное делите, как вам охота. А коли нет – он с кайзером легко мир – на условиях *status quo*² – подпишет. И его величество Вильгельм Второй легко отдаст Австро-Венгрии и Турцию с Болгарией России на растерзание, лишь бы ему никто не мешал Туманный Альбион и Третью Республику раздавить.

² *Status quo* (лат.) – «положение, которое было». *Status quo* применительно к войне значит вернуться к границам, существовавшим до начала боевых действий.

Борис в который раз поразился тому, как легко меняет «старец Григорий» стиль разговора и лексикон, стоит лишь затронуть серьезную тему.

– И значит дальше воевать? – спросил он серьезно. – А народ-то уже от войны устал. По деревням, поди, уже не один десяток тысяч одноногих да безруких с фронта вернули. А мужику Константинополь не нужен вовсе: он туда картошку продавать не повезет. И?..

– Дык мужичка-то папашка легко к себе привлечет, – Распутин снова напустил на себя простоватый вид. – «Синюю бумажку» в зубы – мужик его на руках носить станет!

– Чего в зубы? – совершенно искренне изумился Анненков. – Пять рублей³?

– Э-э, нет, дружок ты мой разлюбезный, – рассмеялся Григорий Ефимович. – Пятишница – она просто «синенькая». А синяя бумажка – купчая на землю. Задумал папашка землю у наших толстосумов да всякой титулованной сволочи отобрать да мужичкам и раздать. И синей бумажкой подкрепить. Все законно, и никто никогда не подкопается и не оспорит. И папашка станет истинным «хозяином земли Русской», о, как!

– Покойником он станет, – покачал головой Борис. – И ни ты, ни я его спасти не сможем. Не защитим. Против всего дворянства нам не выстоять... – Он закурил и хмыкнул. – Бл..., я тебя умнее считал.

– А я и есть умнее, – невесело усмехнулся Распутин. – Я все это папашке-то и обсказал, да только не верит он.

Он вздохнул и посмотрел на Анненкова. Тот пожал плечами и раздавил окурочек в серебряной пепельнице:

– С царицей говорить не пробовал? Может, попробовать через нее воздействовать?

– Пробовал, – ответил Григорий Ефимович и качнул головой. – Не помогло. Маму-то напугать несложно, да только она, по слабости своей бабьей, донести ничего толком не может. Папашка ее обнял, погладил да и успокоил. Может, ты попробуешь?

– Я?! Нет уж. Если он тебя не слушает, меня – и подавно не станет...

Распутин согласно кивнул и задумался, уперев бородатый подбородок в кулаки.

– Ты мадерку-то пей, пей, – предложил он Борису. – Хорошо, собака, голову просветляет...

– Не люблю я ее. Сладкая и дымом пахнет.

– Так, может, коньячку приказать? Ты скажи, не чинись...

Анненков отказался и тоже задумался. Над столом повисла тягостная тишина...

– Жандарм родился, – усмехнулся Борис.

– Все слово бояться сказать? – понятиливо хмыкнул Распутин. – Ага, ага...

– Слушай, а если это активизировать? – спросил Анненков внезапно. – Смотри, что выйдет: царь лезет на рожон против Антанты, масоны резко активизируют свои действия, и царя отрывают от престола.

– И что? – заинтересовался Распутин. – Дальше-то что?

– А вот что, – Борис хитро, очень по-ленински, прищурился. – Семья царя прячется у нас в дивизии, и хрен ее оттуда кто вынет. А в манифесте об отречении он пишет, что передает власть русскому народу, народу-победителю. Под этим соусом мы печатаем подложный манифест, где говорится, что не только власть – народу, но еще и земля – крестьянам, фабрики – рабочим, а мир – народам. Типа: «Мир без аннексий и контрибуций».

– Ну?!

– Гну! После этого никакое Временное правительство в России не удержится, если не станет проводить в жизнь декларируемое в этом манифесте. И никакие масоны тут не помогут, а большевикам, которые только одни и смогут взять власть, ни император, ни его семья

³ Пятирублевая ассигнация была синего цвета.

никаким образом мешать не станут. Наоборот: большевики с него пылинки сдувать станут. Пенсию от государства дадут, парочку дворцов оставят, а то, глядишь, и к себе затащат!

Тут Анненков расхохотался, живо представив себе престарелого Николая II со значком «50»⁴ на лацкане пиджака. Распутин, сумевший увидеть то же самое, сперва озадаченно насутился, но, считав из мыслей собеседника необходимую информацию, тоже захихикал.

– Может и пройти, – проговорил он, отсмеявшись. – Попробую папашку подпихнуть. А ты, давай-ка, тоже не сиди сиднем: вона цесаревна по тебе сохнет, так и ее подтолкни. Амурчиков там подпусти, а под этим соусом – скажи-ка, мол, дорогая, папеньке-венценосцу: не тяни, мол, с политикой и переговорами с Германией.

Услышав это, Борис, не сумев сдержать эмоций, изумленно вылутился:

– Гриша, друг дорогой, а ты часом не заболел? Какая еще, на хрен, цесаревна?!

Распутин лукаво улыбнулся:

– Куда ты там ее пристроишь: на хрен али еще куда – то твое дело. А цесаревна – да Ольга ж! Сохнет по тебе девка, истинный крест – сохнет. А ты и не видишь... Сухарь ты черствый!..

И он снова рассмеялся мелким, дробным смехом...

После этой встречи Анненков-Рябинин наконец решил обратить внимание на цесаревну. Собственно говоря, ситуация с лямур а труа⁵ его несколько напрягала: Сашенька, конечно, прекрасная девушка, но... Все-таки во времена его молодости это считалось развратом, а развратником полковник спецназа никогда не был. Машиной смерти, универсальным солдатом, хорошим наставником – был, а вот развратником – нет. И кроме того, Львов-Маркин уже давно стал ему настоящим другом, а как поется в старой песне: «Ну, а случись, что он влюблен, а я на его пути, уйду с дороги – таков закон: третий должен уйти»⁶.

Так что Борис решил обратить свое благосклонное внимание на Ольгу свет Николаевну, хотя и тут тоже наблюдалась какая-то неправильность: девица императорской фамилии сперва оказывала знаки внимания тому же Львову. Но тут Глеб сразу пояснил: нет у него ничего с цесаревной, не было и никогда не будет...

– ...Вот же ж – герой девичьих мечт, чтоб им, дурам, пусто было! – кипятился Львов. – Морда – вся в шрамах, зубы – наполовину стальные, молодые солдатики от моего вида потихаря крестятся, а этим, вишь, неймется! «Ах, генерал, вы герой! Ах, вы, верно, ничего не боитесь! Вы – точно старинный рыцарь! И в бой идете ради своей дамы сердца, ведь правда?!» – зло передразнил он кого-то писклявым голоском. – Так что ты даже не думай, Борь: действуй!..

Анненков принялся действовать и буквально на третий день уже катался с цесаревной на лодке, мучительно вспоминая какие-нибудь подходящие к данному моменту лирические стихи или томные романсы. Впрочем, тут ему неожиданно помогла Сашенька, подсказав несколько вещей Эдуарда Асадова⁷, которого она нежно и трепетно любила в прошлой будущей жизни и знала наизусть не менее двух десятков стихотворений. Кроме Асадова в дело пошли лирические песни Высоцкого и бессмертное «Жди меня» Симонова, так что цесаревна размякла и «поплыла». Расставаясь, она неожиданно крепко обняла своего кавалера, прижалась к нему и жарко шепнула:

– А ты вовсе не страшный. И никакой не муфлон...

⁴ Достаточно редкий партийный знак отличия в КПСС – «50 лет в партии», однако не настолько редкий, чтобы его не опознавали прожившие в СССР хотя бы лет 15–20.

⁵ *L'amour a trois* (фр.) – любовь втроем.

⁶ Г. Поженян «Песня о друге».

⁷ Асадов Эдуард Аркадьевич (Арташесович) (1923–2004) – советский поэт и прозаик. Участник Великой Отечественной войны, где в 1944 в результате тяжелого ранения лишился зрения. Один из лучших (если не самый лучший) советских лириков послевоенного периода.

После этого Анненков сохранил спокойное выражение лица лишь титаническим усилием воли...

Роман с цесаревной развивался бурно и страстно, девушка то ли изголодалась, то ли просто хотела чего-то эдакого, неземного – того, чего здешние кавалеры дать не могли. Анненков-Рябинин слишком сильно отличался от ровесников из нынешнего времени своим видением мира и ситуаций, своими представлениями об уходе, любви, приличном и неприличном... Ольга чувствовала себя победительницей: ни у кого нет ТАКОГО возлюбленного!

Впрочем, романтические прогулки, нежные встречи и совместные катания – все это проходило, так сказать, фоном к основным действиям. А основные действия разворачивались тут же: очень бойко, весьма назойливо, хотя совершенно невесело...

Организация дивизии на основе «четверок», то есть – четыре полка составляют дивизию, четыре батальона – полк, и так далее, признана в верховных кулуарах военной мысли неэффективной. А потому решено создавать дивизии по схеме «троек»: три полка – дивизия, три батальона – полк, и дальше по тому же принципу.

Идея, может, была и неплоха, но идея переформировать Отдельную штурмовую Георгиевскую патроната Императорской фамилии Анненкову остро не нравилась. Во-первых, такая реорганизация в преддверии государственного переворота совершенно не нужна: под соусом реформирования можно слишком легко лишиться дивизию вооружения, боеприпасов и даже пищевого довольствия. Во-вторых, намеченное действие приведет к значительному уменьшению численности личного состава. Ведь сейчас дивизия насчитывает целых шесть полнокровных полков – двадцать четыре батальона, а если пройдет реорганизация, то полков станет всего пять, а батальонов – пятнадцать...

– ...Ты можешь мне объяснить, какого хрена это затеяли именно сейчас?! – Борис громыхнул кулаком по столу. – Мы себя хорошо показали, и с нас же и надо начинать этот бардак! Козлоё...ы, дебилоиды тропаё...е!

– Сильно, – хмыкнул Глеб. – Очень сильно. Про «трехвлажлищных умственно отсталых» я вообще впервые в жизни слышу... А насчет тройственной системы формирования дивизий я что-то читал. Только это к восемнадцатому году относилось... – Тут он задумался, завел очи горе, а потом выдал: – Точно! В ноябре восемнадцатого Реввоенсовет Республики издал приказ о формировании новых стрелковых дивизий, стрелковых бригад и полков по принципу «троек»⁸. Три взвода – рота, три роты – батальон, три батальона – полк, а вот дальше – внимание! Три полка – никакая не дивизия, а бригада! А вот уже три бригады – дивизия.

Анненков задумался, прикинул и так, и сяк, а потом спросил:

– А еще что об этих дивизиях-переростках помнишь? Напрягись, сосредоточься и вспоминай...

Глеб задумался, почесал нос, сжал виски:

– Ох, превосходительство, и умеешь же ты задачки закидывать... Блин, вроде в тот штат еще конный полк входил, тяжелый артдивизион, гаубичный еще... или два. Зенитный артдивизион, автобронеполк, авиаполк, воздухоплаватель... – Тут он вдруг внезапно хлопнул себя по лбу: – Самое-то главное, чего вспомнил: численность этой дивизии – под шестьдесят тысяч! Во!

– Башка у тебя – Ленинская библиотека нервно курит и завистливо вздыхает! – покачал головой Анненков. – Это ты хорошо вспомнил. Попробуем накидать примерный штат? Исходя из твоих воспоминаний...

⁸ Львов-Маркин вспомнил о приказе РВСР № 220 от 13 ноября 1918 г. о штатах стрелковой дивизии и стрелковой бригады РККА.

– ...Таким образом мы получаем совершенно новое, очень мощное ударно-штурмовое соединение. Общая численность: 60 тысяч человек, 382 пулемета, 146 орудий, 54 миномета, 12 самолетов, 40 броневинов, 4 аэростата, 24 тысячи лошадей... – Анненков перевел дух и добил собравшихся: – Штат стрелковой бригады: 11 тысяч человек, 1700 лошадей, 144 пулемета, 18 минометов, 9 гаубиц, 9 тяжелых гаубиц, 18 пушек. Стрелковый полк...

– Достаточно, достаточно... – генерал Алексеев положил ладонь на толстую стопу документов. – Я полагаю, господа, что нам следует поблагодарить генерала Анненкова за столь серьезную и тщательно проделанную работу. Какие же будут предложения?

Члены Военного совета переглядывались. Предложение Анненкова вполне понятно, но... несколько неожиданно. Такое предложение при условии начинающегося реформирования?.. Ох, сударь «Андреевский есаул», сами себя в ловушку гоните. Впрочем, туда вам и дорога: слишком уж вам везет. Пора и подрезать ваши крылышки...

– Что ж, – поднялся председатель Варшавского отдела Императорского военно-исторического общества генерал от инфантерии Гершельман⁹. – Я полагаю, что генерал-лейтенанту Анненкову стоит поручить проверить его теоретические выкладки на практике и ходатайствовать о разрешении формировать его особую дивизию... – Федор Константинович выделил голосом слово «особую», но было непонятно: серьезен ли он, или иронизирует, – особую дивизию по предложенным им штатам.

– Поддерживаю предложение уважаемого Федора Константиновича, – высказался с места генерал-лейтенант Добрышин¹⁰. – Борис Владимирович очень подробно изложил нам преимущества троичной организации перед существующей «квадратной», ему, как говорится, и карты в руки.

Следом высказались еще несколько членов Военного совета, и все – «за». Анненков следил за происходящим с тщательно скрытым злорадством: большая часть этих господ жаждет увидеть, как он свернет себе шею, взявшись за почти невыполнимое задание. Ну, что ж, ваши превосходительства: удовольствие вы получите, только не то, которого ждете...

Через три дня Анненков вызвал к себе Львова и Карстыня, и они втроем отметили бутылкой бургундского свежеполученный приказ о реформировании Георгиевской дивизии, за подписью императора. Ну, что ж, граждане заговорщики: вас ожидает ба-а-альшой сюрприз!..

...Окончательно вымотанный делами Львов откинулся на спинку стула и с чувством запустил в стену кабинета военным справочником казенных цен. Здоровенный талмуд пролетел, шурша страницами, точно вспугнутая перепелка – крыльями, и гулко ударил в стенку между стеллажом с документами и нескороаемым шкафом для секретной документации.

– С-скотина! – выдал Глеб и поискал глазами на столе: чем бы это еще швырнуть для успокоения нервов? Ничего не отыскал и ограничился повторением: – С-скотина!

Начальник штаба Георгиевской дивизии пребывал в черной меланхолии. По штату, утвержденному императором, дивизия должна получить три тысячи двести тридцать восемь лошадей-тяжеловозов. Ага! «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!» Все попытки закупить необходимое количество тяжеловозов наткнулись на сухие отписки, типа: «Отказать за неимением» или «Казенный заказ выбран по 1917 год включительно». Все, что удалось добыть – это двести клейдесдалей и триста двух шайров¹¹, которых привезли аж из Англии!

⁹ Гершельман Фёдор Константинович (1853–1928) – русский военный деятель и публицист, генерал от кавалерии, член Военного совета. Автор многих военных трудов, теоретик кавалерии и партизанской войны.

¹⁰ Добрышин Александр Федорович (1871–1942) – русский военачальник, генерал-лейтенант. Командовал 38-м армейским корпусом 10-й армии Западного фронта. В 1918 добровольно вступил в РККА. Умер в Ленинграде во время блокады.

¹¹ Клейдесдаль и шайр – названия пород британских рабочих лошадей-тяжеловозов.

– ...Командир! – в кабинет вошел дежурный адъютант штабс-капитан князь Вяземский¹². – Вам – личная почта.

– Личная? – удивился Глеб. – Да вы присаживайтесь, Валентин Сергеевич, присаживайтесь. Распорядитесь чаю. И давайте посмотрим: кто это нам тут личные послания шлет?

– Чаю – это хорошо, – кивнул Вяземский. – А кто шлет, так и гадать нечего, командир. Родственники ваши. Конкретно – князюшка Сергей Евгеньевич...

Вестовой занес поднос с двумя стаканами чая с лимоном, а также с вазочкой, в которой лежали сухарики и киевское сухое варенье, до которого Львов был великим любителем. Оба офицера прихлебнули из стаканов, Глеб взял со стола хиршфенгер¹³, выполнявший роль ножа для бумаг, и вскрыл небольшой, украшенный гербом конверт. Пробежал глазами небольшой листок голубоватой гербовой бумаги...

– Ишь ты... – протянул он задумчиво. – Валентин, как вам это понравится: моя родня, которая раньше знать меня не хотела, изволит пригласить на день ангела досточтимой тетеньки Марии Евгеньевны.

– А что? – удивился реакции командира Вяземский. – Раньше вы, Глеб Константинович, кто были? Бедный родственник. А теперь кто? Герой Отечества, особа, приближенная к императору. Как же тут не вспомнить о родственных узах и не попробовать втянуть такого родича в орбиту интересов семьи? Вон, дядюшка мой у меня уже интересовался: не собираетесь ли вы, командир, связать себя узами Гименея? Потому как если собираетесь, так у него есть прекрасные кандидатки...

– Нет, это-то понятно, – засмеялся Львов. – Просто умиляет меня эта непосредственность наших представителей высшего света. Ладно, – хлопнул он ладонью по столешнице. – Если время найдется – съезжу. Хотя очень вряд ли. Вон у нас сколько дел еще... – он указал на стопу бумаг. – С одними битюгами сколько проблем. Где этих клятых першеронов¹⁴ искать, ума не приложу...

– Вот кстати, – хмыкнул Вяземский. – Попросите у князя Сергея Евгеньевича помочь. Как-никак – владелец и глава фирмы «Пожевские заводы князя С. Е. Львова». У него есть выходы на заводчиков, да и своих брабансонов и датчан¹⁵ хватает. У него же связи в Хреновском заводе¹⁶...

Глеб промолчал. Вот же ведь: сколько времени уже здесь, а даже не удосужился разузнать о своей родне поподробнее. Идиот! Сам ведь своих бойцов учит: «Мелочей не бывает! То, что сегодня неважно, завтра может спасти вам жизнь!», – а сам? Раздолбай! Нет, даже двадолбай!!!

– Спасибо, Валентин Сергеевич, – кивнул он наконец. – Последую вашему совету: схожу, поражаю тетеньку...

¹² Вяземский М. С. (1880–1919) – русский советский офицер, кавалер ордена св. Георгия (1915). Сын адмирала С.С. Вяземского – героя боя у мыса Рагоцем, погибшего на ЛК «Слава». В 1918 вступил в РККА, погиб в боях за Самару.

¹³ Hirschfänger – «охотничий нож» (нем.). Наградной или церемониальный штык к винтовке «Маузер» 01.

¹⁴ Битюг, першерон – название пород лошадей-тяжеловозов. Часто употребляются в качестве общего названия крупных пород лошадей.

¹⁵ Названия пород лошадей-тяжеловозов, очень распространенных в конце XIX – начале XX века.

¹⁶ Самый известный конный завод в России, основанный графом Орловым-Чесменским.

2

В Москву возвратились из Ярославля артисты, принимавшие участие в съемках картины «Тайна старого замка», в основу которой положено одно старое польское предание. Тему эту использовал для своей пьесы «Эльга» Г. Гауптман. При производстве съемок не обошлось без курьезов... Так, городовые, увидев проезжавших по улицам артистов – поляков с большими кривыми саблями, сочли их за знатных иностранцев и отдавали им честь. Раннее утро, Мир экрана от 1 июля 1916 г.

За время с 1 января 1915 г. по 30 апреля настоящего года население Голландии увеличилось на 650 000 человек, главным образом за счет немцев, поселяющихся с тем, чтобы спастись от голода. События дня от 1 июля 1916 г.

Соединенные франко-британские войска произвели атаку к северу от Соммы и проникли в германские передовые укрепления на протяжении 16 миль, взято 5000 пленных. «Новое Время» от 2 июля 1916 г.

Бал в честь дня ангела княжны Львовой устроили в Стрельне, во Львовском дворце. Гостей, с одной стороны, было немного, но с другой – какие это были гости! Князь Юсупов, князя Ширинские-Шихматовы, князь Святополк-Мирский...

Вместе с Глебом на бал приехал Валентин Вяземский, приглашенный самой Марией Евгеньевной. Еще в автомобиле Львов поинтересовался таким повышенным интересом со стороны старой девы к дежурному офицеру штаба и долго смеялся вместе с Вяземским, когда тот поведал о матримониальных планах пожилой дамы.

Но после красочных описаний предполагаемых невест и их остроумных характеристик разговор коснулся серьезных предметов...

– Видите ли, командир, мне тут уже восьмую невесту сватают, – вздыхал Валентин Сергеевич с видом усталой старой лошади. – Но что я могу поделать, если мое сердце окончательно отдано наперснице вашей подруги?

– Сашеньки? – уточнил Глеб. – И кто же покорило сердце боевого офицера, с шашкой наголо кидавшегося на вражеский пулемет?

– Княжна Елена Петровна Гедианова¹⁷, – тяжело вздохнул Вяземский. – И ничего из нашего романа, скорее всего, не выйдет...

– Почему это?

– Ну-у-у... – снова по-лошадиному вздохнул Валентин. – У меня в кармане – вошь на аркане. И никаких видов на серьезное наследство: двух сестер надо замуж выдавать, так что все папенькино наследство – им. Впрочем, там и так немного. А Гедиановы никогда не отдадут единственную дочь за бесребреника, пусть даже и титулованного...

– Прекратить вздыхать, – коротко ударила команда. – Сколько вам нужно на брак? Ну?

– Да у вас-то, командир, откуда столько возьмется? – вскинулся Валентин. – Ну, вот я скажу: «Сто тысяч», и что вы станете делать?

¹⁷ Гедианова Е. П. (1893–1941) – русский, советский военный врач второго ранга. Во время Первой мировой войны – сестра милосердия, ассистент врача в полевом лазарете Северо-Западного и Западного фронтов. В дальнейшем – военный врач в РККА. Погибла во время Великой Отечественной войны.

– Сто-о-о-о? – Глеб почесал нос и присвистнул. – М-да, это так сразу не решишь... Но через пару месяцев мы с вами вернемся к этому вопросу...

...А на самом балу Львова сразу захватили «родственники». Маркин уже давно загнал своего реципиента, что называется, под спуд, и теперь мучительно пытался разобраться в хитросплетениях родственных связей князей и некнязей Львовых...

– А как здоровье вашей крестной? – с любезной улыбкой вопрошал князь Георгий Львов¹⁸. – Помнится, она очень переживала об вашем отъезде на Балканы. От треволнений даже в Карлсбад на воды уехала, нервы лечить...

«Жаль, эта неизвестная крестная не утопилась в карлсбадских водах!» – мысленно ругнулся Глеб, не имевший ни малейшего представления о том, кто собственно была его крестная. Но вслух сказал:

– Да, она и до сих пор жалуется на нервы, – и приятно улыбнулся. – К тому же у нее стали побаливать почки...

– О да! – вмешался в разговор Феликс Юсупов¹⁹. – Почки – бич современного человечества. Вот у меня... – и он принялся подробно описывать свои заболевания, причем делал это так подробно, что Львов решил: либо Юсупов всерьез изучает медицину, либо готовится «косить» от армии.

«И такая дребедень – целый день, целый день²⁰... – тоскливо подумал Глеб. – Какого лешомана я им понадобился, хотелось бы знать? Что, для придания военной атмосферы? Бездельники, трутни, чтоб их приподняло и об угол ударило! Блин, вот когда точно уверуешь в правоту санкюлотов. На фонари аристократов!...²¹ Но какой роскошный расстрельный список вырисовывается?!»

Он вяло ел какие-то удивительные деликатесы, вкуса которых не понимал, пил дорожные вина, чьего аромата и букета совершенно не разбирал, танцевал с девицами, которые ему не нравились, танцы, которых он не знал, и мучился скукой и сожалением о бесцельно потерянном времени.

И как оказалось – совершенно зря. В курительной комнате, куда Глеб ушел отдохнуть от танцев и пустой болтовни, к нему как-то очень естественно подошли князь Георгий и Феликс Юсупов. Князь угостил дальнего родственника папиросами собственной набивки с турецким черным табаком, Феликс раскурил сигару, и на Глеба опять посыпались вопросы о дивизии, о солдатах, о настроениях в войсках вообще. И вдруг:

– А что это, Глеб Константинович, к вам старец Григорий зачастил? – лениво поинтересовался князь Георгий.

Равнодушие, с которым он задал вопрос, было до того наигранным, что Глеб насторожился. А ну-ка, ну-ка...

– Да очаровал он нашего «Андреевского есаула», – ответил он с таким же фальшивым безразличием. – Борис Владимирович – человек неплохой и разумный, но вот верит во все эти божественные откровения. Потому-то Распутин у нас – частый гость.

– А как вы сами к нему относитесь? – быстро спросил Юсупов.

– К кому? – включил дурака Глеб, выигрывая время. – К Анненкову или к Распутину?

¹⁸ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – русский общественный и политический деятель. Князь. После Февральской революции стал председателем Временного правительства, фактически – главой государства. Масон.

¹⁹ Юсупов Феликс Феликсович, граф Сумароков-Эльстон (1887–1967) – русский аристократ. Один из активных участников заговора против Распутина. Львов недалек от истины: Юсупов избежал призыва в армию, сославшись на то, что являлся единственным сыном в семье.

²⁰ Чуковский К. И. «Телефон».

²¹ Санкюлоты (фр. *sans-culottes* – «без кюлот») – название участников Великой Французской революции. Далее Львов цитирует революционную песенку тех времен «За іга».

– К старцу, разумеется. О том, что вы с Анненковым друзья, не знает разве только глухой и слепой.

– Да, как сказать, – напоказ задумался Львов. – С одной стороны, что-то эдакое в этом кержаке все-таки есть, но с другой – вахлак и шарлатан первостатейный.

– Кержак? – удивился князь Георгий. – А разве он еще и старовер?²²

– А очень возможно, – задумался Юсупов. – В тех местах каменщиков²³ много, так что очень возможно, топ рпнсе²⁴, очень возможно...

Все молча курили, размышляя каждый о своем.

– А как вы оцениваете его влияние на императора? – вопрос после долгой паузы, и две пары внимательных глаз впились в Глеба, точно гарпуны в кита.

– А как можно оценивать влияние малограмотного человека на правителя Великой Империи? – ответил тот вопросом на вопрос, а про себя добавил: «Не было бы счастья, да несчастье помогло... По моей исшрамленной физиономии вы, сиятельства, замучаетесь угадывать, что на самом деле я думаю...»

Князья кивнули и снова замолчали. Но теперь пауза вышла короче.

– Распутин – позор для России! – твердо заявил князь Георгий. – Это уже ни на что не похоже: какой-то шарлатан, шут, осмеливается вмешиваться в управление державой! Державой!! – повторил он, потрясая жиденькой бородкой.

– Похоже... – усмехнулся Глеб и уцапал из шкатулки еще одну папиросу. Очень они ему понравились, – сочинение господина Дюма: «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять». Помните, присутствует там шут Шико, который весьма успешно помогает Генриху Третьему.

– Час от часу не легче, – ощерился Юсупов. – Мы с вами в романе французского писаки, господа...

Лакей подал кофе и ликер «Бенедиктин».

– Сигару, Глеб Константинович?

– Благодарю, но я лучше еще одну папиросу...

Юсупов подвинул канделябр, Глеб прикурил...

– Послушайте, Глеб Константинович, а каково ваше мнение на это? Вы не находите, что Распутина надо бы любым способом удалить от императора и его семьи?

– Пожалуй... – задумчиво протянул Львов-Маркин.

«Это будет весьма забавно: я – в числе убийц Григория Ефимовича. Хорошая идея посетила моих милых родственничков», – размышлял Глеб. Тут ему вспомнилась одна знакомая из прошлого-будущего. Яркая эффектная брюнетка с шикарной грудью, нежным голосом и железным характером. Эта девушка любила повторять: «Я тебе отдамся, а кто кого вы...ет – так это мы еще посмотрим, милый». Очень подходящая к данной ситуации фразочка...

Глеб мечтательно улыбнулся своим мыслям, и эта улыбка, выглядевшая из-за шрамов хищной и жесткой, окончательно убедила князей Львова и Юсупова, что генерал-майор – на их стороне. И Юсупов сразу же перешел к делу...

– Глеб, вы знакомы с Пуришкевичем? Нет? Ну, так я вас обязательно познакомлю: человек замечательный! – Феликс схватил Львова за рукав кителя. – Умнейший, образованнейший, благороднейший человек! И он придерживается такого же мнения: Распутина надо убирать!

²² Львов-Маркин использует слово «кержак» в принятом во второй половине XX века значении: малограмотный диковатый сибиряк из глухих мест. Но в конце XIX – начале XX века это слово означало переселившихся в Сибирь старообрядцев с реки Керженец.

²³ *Каменщики (бухтарминские каменщики)* – старообрядцы, поселившиеся в Юго-Западном Алтае в многочисленных труднодоступных горных долинах бассейна реки Бухтарма. Основу этих поселенцев составляли кержаки.

²⁴ Мой князь (*фр.*).

– Жаль, что не удалось организовать против него процесс, – вздохнул князь Георгий. – Хлыстовство – серьезное обвинение, и можно было бы рассчитывать... – он не договорил и залпом допил свой ликер.

Глеб отчаянно пытался вспомнить все, что знал и помнил о покушениях на Распутина. Вроде бы стратег-спирит Николай Николаевич тоже в это каким-то боком затесался, а еще – великий князь Дмитрий Павлович...

– Я смею думать, что Николай Николаевич тоже не оставил своих попыток удалить сибиряка прочь из дворца? – произнес он осторожно. – Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь, – в курительную вошел еще один гость. – Но вот вопрос: почему вам это интересно, генерал-майор?

Глеб внимательно оглядел нового собеседника. Ага, вот и еще одно действующее лицо: великий князь Дмитрий Павлович²⁵, собственной персоной.

– Интересный вопрос, – медленно протянул, ощутиمو подбираясь, Глеб. – Интересный вопрос от офицера офицеру... – Он смерил великого князя холодным взглядом. – Вы, видимо, полагаете, что для меня понятий «честь правящего дома» и «благо Родины» не существует? Я так должен понять ваши слова?

Дмитрий Павлович вздрогнул. О начальнике штаба Георгиевской дивизии ходили разные слухи, но все они сходились в одном: если вам надоела жизнь – попробуйте оскорбить или рассердить этого человека. Даже задеть его – смертельно опасно, а уж обвинить в бесчестии...

Великий князь уже собирался оправдаться, объяснить свой вопрос, но тут вдруг генерал-майор Львов, с видимым усилием, улыбнулся, от чего стало еще страшнее...

– Я готов кое-что объяснить вам, но только tkte-a-tkte²⁶, – и сделал приглашающий жест.

Не без внутренней дрожи шел великий князь за Глебом. А тот внутренне ликовал: надо же как удачно все складывается! Воистину: Григорий Распутин – провидец!..

– Послушайте, великий князь, – начал Львов, когда они оказались одни. – Судьба распорядилась так, что мы с вами оба любим одну и ту же девушку²⁷. Вы понимаете, о ком я говорю.

Это был не вопрос, а утверждение, констатация факта, но Дмитрий Павлович все же кивнул.

– Я мог бы соперничать с вами – это нормально, когда два офицера, два фронтовика выясняют отношения из-за женщины. Хотя лично мне вы симпатичны...

– Вы мне – тоже, – поспешил добавить Дмитрий Павлович, чувствуя громадное облегчение. Сегодня его убивать не будут!..

– Но я не могу бороться против семьи, которую науськивает этот, с позволения сказать, «старец». Вы, как человек близкий к императору и его семье, вероятно уже знаете, что Распутин настроил Ольгу против меня и пытается поссорить меня с Анненковым, внушив ей, что она влюблена в моего друга.

– Да, я слышал об их начавшемся романе...

Великий князь ликовал. Еще бы: такой союзник! Единомышленник! Распутину придет скорый и заслуженный конец!

Он приобнял Львова за плечи:

– Послушайте, Глеб... Ведь я могу называть вас по имени? Разумеется, вы тоже можете обращаться ко мне так же. Я... мы искренне рады, что вы – герой войны, оплативший кровью свое положение... что вы – с нами!

²⁵ Великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942) – член императорской фамилии, воспитанник Николая II. Офицер, активный участник заговоров против Распутина и Николая II.

²⁶ «Голова в голову» (*фр.*) – выражение, означающее «наедине», «только вдвоем».

²⁷ Дмитрий Павлович действительно был близок с цесаревной Ольгой. В 1912 г. должна была состояться их помолвка, но она расстроилась из-за противодействия императрицы Александры Федоровны и Распутина.

– Я – с вами, – подтвердил Глеб, мысленно продолжив: «...еще побеседую, сволочь титулованная...»

На следующее утро Львов доложил о произошедшем на балу, но, к его удивлению, Анненков отнесся к этому почти равнодушно. Он рассеянно выслушал своего друга, кивнул, коротко бросил: «Молодец! Держи руку на пульсе», и тут же занялся другими делами. А их имелось в достатке...

В этот день в дивизии ждали гостя. В Тосно собирался прибыть с визитом вице-адмирал Колчак. В преддверии визита Анненков заметил определенное сходство между ним и новым командующим Черноморским флотом. Тоже относительно молод – всего сорок лет! Тоже пробился к верхам командования исключительно боевыми заслугами. Тоже принял командование крупным соединением в обход старшинства и без опыта командования серьезными силами: минная дивизия – не в счет.

«А вот интересно, – подумал Борис. – Какого черта командование воюющим флотом поручают адмиралу, который ни в военное, ни хотя бы в мирное время не командовал не то, что линкором, а даже серьезным крейсером? Это не говоря уже о командовании соединением тяжёлых кораблей. Ведь как ни крути, а дивизия линкоров в это время – основа основ флота. То, ради чего этот флот и создают. Если угодно – становой хребет военного флота этого времени...»

Он принялся лихорадочно вспоминать все, что когда-либо читал, слышал и знал о Колчаке. Выходило непонятно. Знаток минного дела, ученый-океанограф, полярный исследователь и... все! ВСЕ!!! И вот этого парня почему-то вдруг направляют командовать флотом?! Так не бывает, господа-товарищи!

Ну, можно один раз проскочить вверх по чистой везухе. Далеко за примером ходить не надо: его собственная карьера в этом мире. Или карьера Глеба. Впрочем, и в прошлом-будущем полковник Рябинин видел и слышал про подобные случаи. Недаром же народ говорит: «Счастье – это оказаться в нужное время в нужном месте!» Но чтобы из командира эсминца за год проскакать в командиры минной дивизии – читай всех легких сил Балтфлота, а за следующие десять месяцев – до командующего целым флотом? Э-э-э, нет! Такое может случиться только если фигуранта со страшной силой волокут вверх, причем не в одиночку, а как небезызвестную репку – большой толпой...

Анненков нажал кнопку примитивного селектора – первого аппарата подобного типа, который по его заказу сваяли аж в количестве целых четырех штук для нужд дивизии:

– Глеб? Зайди, ты мне нужен...

Через пять минут в кабинет вошел обиженный и злой Львов.

– Что прикажешь, твое превосходительство? – спросил он хмуро.

Анненков посмотрел на друга и спокойно проговорил:

– Слушай, ты кончай обижаться, как малолетка в детском саду. Если я тебя за что-то полезное не похвалил, так это не потому, что я – черствый сухарь, а потому, что дел выше головы. Пора бы уже привыкнуть, чай, не в первый раз живешь...

Львов органически не умел долго злиться на близких ему людей, и Борис высоко ценил его именно за это качество. Начальник штаба, все еще хмурясь, придвинул стул и сел:

– Ну, что стряслось?

Анненков в двух словах обрисовал Львову картину, и тот глубоко задумался. Настолько глубоко, что, отложив только что прикуренную папиросу в пепельницу, моментально зажег следующую. Да еще и машинально взял со стола недопитый Борисом стакан чая и осушил его одним долгим глотком...

Анненков с интересом и надеждой следил за всеми этими действиями. Память у Львова-Маркина – на зависть, так что...

– Я не помню, у кого я это читал, – медленно произнес Глеб, – но могу сказать одно: Колчак близок к ребяткам, подготовившим Февральскую революцию. Вроде бы общался он с московским городским головой²⁸, потом еще с этим... как его?.. Ну, он еще распорядитель думской комиссии по военным делам?.. Лодыженский²⁹, точно! Вот, а еще у него в дружках – генерал Алексеев...

– Твою дивизию! – только и сказал Борис. – Успокоил ты меня, Глеб, спасибо... То-то нас в Константинополь стараются запихать. Под такое мудрое руководство...

– Это еще не все, – сообщил Львов, четко проговаривая каждое слово. – Его любовница Тимирёва³⁰ «интересовалась» политикой, постоянно посещала гостевую трибуну Государственной Думы, плотно общалась с депутатами и в письмах к своему хахалу сообщала о политической обстановке в столице.

– Б...!

– Ну, нет, это ты зря, – покачал головой Львов. – Знаешь, у этой дамочки было одно забавное правило: пока одного любит – с другими ни-ни.

– Да я не про нее, а про ситуацию вообще, – хмыкнул Борис.

– Тогда ты все равно не прав, – вздохнул Глеб. – Ситуация у нас – б... в превосходной степени...

Колчак сидел в автомобиле и, пережидая, пока осядет поднятая колесами пыль, пытался разглядеть: кто торопится к автомобилям от дивизионной караулки? Странно, но что-то никого не видно. Может быть, из-за пыли?..

Но нет. Пыль осела, а у караульного помещения не видно никакого движения. «Любопытно, – подумалось Александру Васильевичу. – Прямо как на корабле: вахтенный у трапа тоже ни к кому не подойдет...» Он легко тронул своего адъютанта за плечо и как можно более небрежно произнес:

– Сходите, Михаил Михайлович³¹, узнайте: что это за такая радушная встреча?

Лейтенант выпрыгнул из авто и поторопился к полосатому шлагбауму, возле которого из обложенного мешками с песком гнезда угрюмо таращился пулемет и угадывались головы расчета.

До адмирала донеслись голоса: рассерженный и злой – Комелова, спокойный и уверенный – кого-то из пулеметчиков. Внезапно пулемет резко качнулся, и его дуло едва не уперлось флотскому лейтенанту в грудь. И Александр Васильевич расслышал четко и ясно:

– Три шага назад, а не то открываю огонь на поражение. Пять секунд, время пошло!

Одновременно с этим над караулкой завывла сирена. И через считанные секунды в голову Колчака уперся ствол, а еще один – в грудь...

– Спокойно выходим, руки держать на виду, – распорядился молодой подпоручик с белым крестиком и двумя солдатскими крестами на груди. – Выходите, ваше превосходительство, не заставляйте меня применять к вам силовые методы убеждения...

²⁸ Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – русский предприниматель и политический деятель. В описываемый период – московский городской голова и депутат IV Государственной Думы. Входил в одну из групп либеральной оппозиции, готовившую дворцовый переворот. Принимал участие в собрании представителей Союза городов в декабре 1916, где была принята резолюция о необходимости отречения от власти Николая II.

²⁹ Лодыженский Александр Александрович (1854–1935) – русский политический деятель. Член IV Государственной Думы. Состоял председателем распорядительной комиссии, а также членом комиссий: об охоте, по военным и морским делам, по запросам. Также был докладчиком по проверке прав членов ГД и председателем 9-го отдела Думы. Был в конфронтации с царем и одним из участников готовящегося дворцового переворота.

³⁰ Тимирева Анна Васильевна (1893–1975) – русская художница и поэтесса, любовница, а в период 1918–1920 – фактическая жена А.В. Колчака.

³¹ Имеется в виду лейтенант М. М. Комелов (1890–1918?), бывший в описываемый период личным адъютантом Колчака.

Следующие двадцать минут в жизни Колчака были такими... такими... Одним словом, ничего подобного ему не доводилось переживать ни в полярных экспедициях, ни во время войны.

Его совершенно невежливо, хотя и аккуратно, загнали в какое-то помещение, предварительно надев на голову мешок из черного шелка. Загнали вместе с шофером, двумя вестовыми, флаг-офицерами и адъютантом, где, во-первых, всех разоружили, во-вторых, ловко сковали всем руки за спиной, а в-третьих – его посадили в отдельную комнатку без окон, где в глаза ему бил яркий электрический свет, а из темноты кто-то настойчиво бубнил: «Цель попытки проникновения на режимный объект? Способ связи с заказчиками? Рекомендую сотрудничать со следствием: зачтется на суде...» От всего происходящего Колчаку стало казаться, что он сошел с ума...

– Ну, и где эти диверсанты?

Дверь в комнатку распахнулась, и тут же ее всю залило светом. Выяснилось, что он сам сидит за столом, на котором установлена лампа-рефлектор, а перед ним, на хозяйском месте расположился суровый, звероватого вида армейский капитан с Георгием на кипенно-белой гимнастерке, почему-то расшитой гусарским шнуром того же цвета. Колчак повернул голову, чтобы узнать, кто назвал его диверсантом, но тут же ударила команда:

– Не оборачиваться!

– Перестаньте, Николай Николаевич, – произнес не лишенный приятности баритон. – И отпустите его превосходительство вице-адмирала Колчака. Он – не диверсант, во всяком случае – в настоящее время.

С Александра Васильевича сняли наручники, и он наконец смог встать со стула и обернуться. Перед ним стоял генерал-лейтенант Анненков.

– Добрый день, господин вице-адмирал, – поздоровался Анненков без улыбки. – Извиняться не стану: мои люди действовали строго по уставу. Чего не скажешь о вашем спутнике. Кстати, – генерал улыбнулся одними губами. – Где вы отыскиали такого феерического дурака? Они живут на воле, или вы знаете место, где их специально разводят?

Колчак оскорбленно поджал губы:

– Лейтенант Комелов не дурак...

– Дурак, дурак, причем выдающийся, – теперь Анненков уже смеялся по-настоящему. – Я даже не могу представить себе уровень развития человека, который пытается глоткой и матом одолеть пулемет. Ну, хотя бы кортиком, а то одним матом...

Вице-адмирал молчал. Обидно, но Анненков прав, и признаваться в этом ужасно не хотелось...

Анненков заметил обиду Колчака и протянул ему руку:

– Не обижайтесь, Александр Васильевич, не стоит. У меня в дивизии – порядки, по жестче флотских. Если бы ваш вахтенный или как его там пропустил бы на корабль неизвестного, пусть и в генеральском мундире, то вы бы что с таким олухом сделали? А если бы этот генерал еще и силой попробовал бы прорваться на борт?

– Да, – усмехнулся Колчак. – Пожалуй, тут вы правы. Но этот допрос?..

– А вот это у нас – стандартная процедура, – ответил Анненков. – Любой, кто пытается силой проникнуть на территорию дивизии – враг и шпион, если не сумеет доказать обратное. Вас, Александр Васильевич, допрашивал один из заместителей начальника секретной части нашей дивизии, капитан Ларионов³². Он у нас среди «секретчиков» интеллигентом слывет...

³² Ларионов Николай Николаевич (1889–1954) – русский, советский офицер, генерал-майор. Кавалер орденов св. Георгия, двух орденов Красного Знамени, советского ордена Александра Невского и т. д. В 1915 получил «Георгия», командуя ротой 73-го Крымского пехотного полка. В дальнейшем – в РККА, командовал дивизией, служил в Генеральном штабе. С 1953 – в отставке.

Звероватый капитан молча наклонил голову и щелкнул каблуками. Анненков повернулся к нему:

– Николай Николаевич, проводите нас и дайте указание остальных отпустить.

– Слушаюсь, атаман, – снова кивнул тот и, распахнув дверь, сделал приглашающий жест рукой. – Прошу...

Сперва был обед. Сытный и вкусный, но без изысков. Разве что, рябчики. Нежные, тающие во рту, каких не в каждом столичном ресторане подадут. Колчак приналег на них, не преминув спросить, откуда такое великолепие. И от ответа чуть не подавился хрустящим крылышком...

– Это – с тренировок. У нас, господин адмирал, лучших стрелков обучают просто: дают Монтекресто³³, семь патронов, и через пять часов должен принести пять рябчиков.

– Однако... – Колчак удивленно покачал головой, – Соединяете пользу и выгоду?

– Скорее объединяю приятное с полезным, – снова одними губами улыбнулся Анненков. – Сами стрелки тоже рябчиков едят...

После обеда, завершившегося, к удивлению Колчака, мороженым, но не с ликером или сладким французским вином, а с обычным крымским мускатом³⁴, Анненков пригласил гостя на полигон. Там их уже ждал начальник штаба дивизии генерал-майор Львов. Александр Васильевич снова удивился: генерал был не в повседневной и даже не в полевой форме, а в каком-то жуткого вида снаряжении, стальных кирасе и каске, но не адриановской, а совершенно иной, почти идеально полусферической формы, да еще и с ружьем-пулеметом на груди. Рядом с ним стояли офицеры и солдаты, одетые и вооруженные точно так же.

– Разрешите обратиться, ваше превосходительство, – спросил Анненкова флаг-офицер Тирбах³⁵. И, получив разрешение, продолжил: – Что случилось с этим... этим... – Он никак не мог определить, кто перед ним: офицер или нижний чин, но удачно выкрутился: – С этим кавалером?

– Пуля в баллон с огнесмесью попала, – ответил вместо Анненкова Львов. – Во время прорыва германского фронта. Вот и пожгло поручика...

И с этими словами генерал-майор, чье лицо было изборождено глубокими шрамами, положил руку на плечо своему офицеру, с лицом, испятнанным ожогами. Колчак поразился: как это поручику еще глаза не выжгло – вон какое пятно молодой кожи прямо под левым глазом!

– Наши штурмовые саперы, – представил Борис Владимирович. – Любимая игрушка генерала-майора Львова.

– С этой игрушкой немцы особенно играть любят, – хрипло сообщил Львов. – Аж визжат от восторга, когда играть начинают...

– До смерти обожают, – поддержал командира кто-то из строя. – Прямо до смерти...

От этих слов Колчак непроизвольно поежился, а его адъютант Комелов невольно вздрогнул. Анненков, заметив реакцию гостей, усмехнулся:

– Это они так шутят. А вообще они у нас тихие, спокойные...

³³ Так в конце XIX – начале XX века называли в России легкую спортивную винтовку или ружье конструкции Флобера, под очень маломощный патрон. Начальная скорость пули – около 100 м/с. Убойная дальность для рябчика – 15–20 м, так что тренировка снайпера с таким оружием – это, в первую очередь, обучение незаметному перемещению и «скрадыванию» цели.

³⁴ С 80-х годов XIX столетия крымские вина стали вполне конкурентоспособны с лучшими французскими, зачастую превосходя последние. Однако русская аристократия считала их «плебейскими» и почти не употребляла, за исключением игристых вин из Нового Света.

³⁵ *Тирбах Петр Игнатьевич* (1890–1953) – русский морской офицер. В описываемый период – флаг-офицер Штаба командующего Морскими силами Балтийского моря, откомандированный в распоряжение Колчака. После революции – у Колчака, с 1920 – в эмиграции. Скончался в США.

Александр Васильевич оглядел «тихих» штурмовиков и мысленно поблагодарил бога за то, что воюет с этими «спокойными» на одной стороне. Судя по всему, его свиту посетили такие же мысли.

– А что это за странная форма на ваших... э-э-э... бойцах? – Александр Васильевич перевел взгляд со штурмовиков на стоявших поодаль казаков, тоже щеголявших в шнурованных сапогах, разгрузках и с автоматическим оружием на плечах.

– Новое оружие – новые требования, господин адмирал...

Анненков улыбнулся, и Колчак в который раз неприятно поразился привычке генерала-лейтенанта улыбаться одними губами. А тот уже подозвал одного из своих людей:

– Городовиков³⁶, ко мне! Тут его превосходительство вице-адмирал интересоваться изволят.

К ним подошел один из казаков – невысокий кривоногий крепыш с явно азиатской внешностью. Анненков оглядел его с ног до головы, застегнул Городовикову ремешок на клапане магазина, произнес негромко и совершенно непонятно: «Десять кругов в личное время», после чего повернулся к Колчаку:

– Оружие генерала Фёдорова способно выпускать больше шести сотен пуль в минуту, – сказал он, указывая на автоматическое ружье, – так что патроны, находящиеся вот в таких коробах, приходится носить в весьма значительном количестве. А остальное... аптечка первой помощи, специальное снаряжение, накидка от дождя и прочее. – Называя каждый новый предмет экипировки, Борис показывал рукой на точки, где находилось то или иное снаряжение. – Таким образом, каждый боец дивизии готов к действиям в условиях быстро меняющейся боевой обстановки.

– Изрядно... но дорого... – Александр Васильевич покачал головой.

– Люди – дороже! – отрезал Анненков. – Особенно мои!

– Это же сколько они патронов изведут?

– А сколько уже извели! Учёба – оно дело такое. Каждый под тысячу патронов расстрелял, а кто и поболее.

– Ну, дай бог, толк с того будет. Но контраст с обычными пехотными частями разителен, ничего не могу сказать. Солдатики у вас все как на подбор, порядок и дисциплина. А уж о подготовке я говорить боюсь... – И тут Колчак, который и вообще-то улыбался очень редко, к изумлению своих спутников, подарил суровому визави застенчивую улыбку гимназистки, – Борис Владимирович, теперь я просто уверен: если с кем-то и можно взять Проливы, так это – с вашей дивизией...

Наступила долгая пауза, после которой камнем упало короткое, холодное «нет». Все замерли...

– Я – против вашей операции, – твердо произнес Анненков. – Эта операция бессмысленна в военном плане и вредна – в политическом. Поэтому я всеми силами буду возражать как против участия моей дивизии в десанте на Босфор, так и против всей операции в целом.

Колчак стоял и ловил открытым ртом воздух, точно вытасненная на берег рыба. Рядом с ним замерли его офицеры. Вот это номер! А ведь ему обещали – положительно обещали! – что лучшая часть русской армии будет передана в его распоряжение...

– Но... как?... Как же?... – прокаркал наконец Александр Васильевич разом осевшим голосом. – Это же... Так же... Почему?..

³⁶ *Городовиков Ока Иванович* (1879–1960) – советский военачальник, кавалерист, генерал-полковник. В Первую мировую служил старшим урядником 9-го Донского полка. В РИ Городовиков не был георгиевским кавалером, однако авторы полагают, что в данной АИ с учетом изменений в ходе Первой мировой войны он вполне мог заслужить эту награду.

– Потому, – жестко отрезал Анненков. – И вообще: о какой десантной операции может идти речь, если лучший линкор Черноморского флота набит германскими шпионами, точно гостиничный матрас – клопами?

– Что?

Борис Владимирович хладнокровно поведал и о деятельности Виктора Вермана, его шпионской группы в Севастополе и Николаеве, и о преступной небрежности капитана «Императрицы Марии», который даже не выставил охранение, и осмотр приходящих гражданских специалистов, две трети которых носили немецкие фамилии.

– Но как могли жандармы просмотреть целую шпионскую организацию?

– Вот это, господин адмирал, уже ваше дело: узнать, разобраться и выяснить – как? – все так же ровно ответил Анненков. – А пока...

И тут произошло уже и вовсе невероятное событие. Колчак застыл с полуоткрытым ртом, должно быть собирался что-то сказать, его офицеры словно бы изобразили на любительском спектакле немую сцену из бессмертного «Ревизора», а возле Анненкова вдруг совершенно из ниоткуда возник человек в простой, хотя и дорогой одежде, с длинной бородой и умными, колючими глазами...

– Соглашайся, генерал, – произнес Распутин негромко. – Для виду еще поломайся, а потом – задний ход.

– Не хочу, – упрямо наклонил голову Борис.

– Вестимо, что не хочешь, – ухмыльнулся Распутин. – И я не хочу. Да только плетью обуха не перешибешь, сокол ясный. Папашка решил, так что... – и он слегка развел руками.

– Б...!

– Это верно, она самая, – дробно засмеялся Григорий Ефимович. – Ну, так что? Сделаешь?

– Черт с тобой! Можешь успокоить «папашу всенародного»: сделаю, как ему хочется...

– Вот и ладно, вот и хорошо... – Распутин повернулся уходить. – Прикажи там, чтобы мне парочку рябчиков завернули. Больно уж хорошо твои стервецы их жарить наострились.

– Может, пообедать останешься? Я распоряжусь...

– Некогда, мил-друг, некогда... Я вот у тебя еще бутылочку муската прихвачу, не против?

И с этими словами Распутин провел рукой перед глазами адмирала и его свиты, после чего словно растворился в воздухе...

– Борь, а это что сейчас было? – выдохнул Глеб и вытер рукой разом вспотевший лоб. – Это я с ума сошел или весь мир?

Анненков тихо усмехнулся, повернувшись к другу:

– Это – нормальная практика психотерапии и парапсихологии. То, что ты сейчас видел, носит вполне официальное название «вуаль». А по-простому, по-народному – отвод глаз. Но это я тебе потом объясню, а пока пошли кого-нибудь на кухню. Иначе Гриня может нам поваров так зачаровать, – он снова усмехнулся, – что ужина мы с тобой только к завтрашнему обеду дождемся...

3

Телеграммы

Тифлис, 26, VI. В старой части города тяжело ранен бомбой пристав 6-го участка Глебов. Вместе с ним ранен околоточный надзиратель и двое прохожих. <...>

Тифлис, 26, VI. Вчера брошены бомбы еще в два места: на Псковской улице в казачий разъезд и на Головинском проспекте. Несчастных последствий не было.

Николаев, 26, VI. Редакция газеты «Южная Россия» получила ряд писем, угрожающих смертью тем, кто говорит о созыве народных представителей. Письма подписаны «Патриотический союз истинно русских людей».

Насаждение тишины и спокойствия

«Черноморское побережье» сообщает:

В канцелярии черноморского губернатора получено несколько сот экземпляров воззваний, присланных Грузино-Императорской конторой правительствующего синода для распространения среди населения. Воззвания эти выпущены под следующими заголовками:

«Бога бойтесь», «Царя чтите», «Берегись обманной проповеди», «Власти повинись», «Не соблазняй и не соблазняйся». Верное средство для успокоения умов и предотвращения погромов и беспорядков.

«Новости дня». Июнь – июль 1916 г.

Обсуждение участия Георгиевской дивизии в запланированной Колчаком Босфорской десантной операции затянулось глубоко за полночь. Через два часа бесконечных уговоров и банального нытья Анненков наконец согласился и вместе с адмиралом взялся за разработку плана десанта. В дополнение Борис велел позвать Глеба, который незамедлительно прибыл, слегка пьяный, а возможно – и не слегка. Он тут же вогнал в глубокий ступор Колчака и его сопровождающих, заявив, что пока не будут построены хотя бы десять «Эльпидифоров»³⁷ из двадцати заказанных, ни о каком десанте не может быть и речи.

– А откуда вы, генерал, знаете об «Эльпидифорах»? – спросил Александр Васильевич, когда к нему вернулся дар речи. – Это ведь совершенно секретный проект...

– Вот когда приступите к командованию флотом, поинтересуйтесь у своих подчиненных о том, каким путем секретные сведения становятся достоянием гласности? И еще: каким образом эти сведения стали достоянием германской разведки? Потому что я получил эти сведения именно на допросах немецких пленных.

Колчак гулко сглотнул, а Глеб, не обратив на это никакого внимания, продолжал:

³⁷ Канонерские лодки – десантные корабли «Эльпидифоры» проекта 1915 года, заложены в Николаеве в количестве 20 штук. Эти корабли, вооруженные пятью орудиями, могли высадить до 1000 пехотинцев в полной выкладке. Водоизмещение – 1300 т, скорость – 10 узлов, дальность плавания – 2300 миль. Из-за казнокрадства и саботажа до революции успели достроить только три корабля, остальные были закончены уже в советское время.

– Значит так: десять «Эльпидифоров» нужны нам к осени. Раньше все равно начать не сможем, в смысле – вы не сможете. Вам надо еще в командование вступить, сплавить корабли, потренировать свои экипажи. Плюс – несамоходные плашкоуты, для остальной дивизии. Мощности николаевских заводов позволят достроить десять «бэдэка»...

– Что достроить? – пискнул Тирбах.

– Бэ-Дэ-Ка – большой десантный корабль, – пояснил Львов. – «Эльпидифор» вполне подходит под это определение. Так вот, если вы, ваше превосходительство, напряжете заводы в Николаеве и поставите их в позу пьющего оленя, они управятся примерно к октябрю, а мы...

– Так, – холодно перебил его Анненков. – Достаточно. Господин начальник штаба, насколько я помню, у вас еще есть дела. Ступайте и займитесь ими, а обо всем, что вы нам здесь нагоро... то есть сказали, к завтрашнему дню подготовить докладную записку. И, господин генерал-майор, подождите меня у выхода: мне нужно дать вам еще несколько поручений...

...Колчак и его офицеры напряженно вслушивались в доносившиеся из-за двери обрывки разговора.

«...Ты чё творишь?!» – «А чего они... па-а-адумаешь, верховный правитель...» – «Охренел?!» – «...все равно, он ни хрена не поймет...» – «Пьянь подзаборная... Завтра на полосе трезветь будешь!..» – «Ой, я испугался...» – «А если он?..» – «Чего?..» – «Ничего!» – «Он от кокаина одурел уже...»

На этом месте Колчак непроизвольно стиснул кулаки и скрипнул зубами, а его офицеры отвели глаза. Очень жаль, но, кажется, увлечение Александра Васильевича кокаином – уже ни для кого не секрет...

Но дальше разработка плана пошла быстро и деловито. К тому времени, как Колчак отправился в Петроград, он уже имел твердое представление о необходимом количестве сил и средств, привлекаемых для этой операции.

Тем временем у Анненкова и Львова появились новые неотложные дела. Из Швейцарии прибыли новые письма от Ленина, в которых кроме теоретического спора о вопросе построения социализма в России содержались еще и вполне конкретные практические указания. В их числе содержалась настоятельная просьба посодействовать ссыльным большевикам на предмет возвращения их к активной политической жизни.

Когда Львов показал своему другу-командиру это письмо, тот внимательно прочитал, пошевелил губами, проговаривая про себя особенно понравившиеся пассажи, гоготнул и произнес:

– Ленин против Ленина? Лихо, Глеб, ей-ей – лихо! Это же надо было додуматься: аргументировать к Владимиру Ильичу его же работами, только еще не написанными... – Он хлопнул Глеба по плечу. – Бой с тенью, а?! Так... – он тут же посерьезнел. – А что у нас с побегами? Кого тащим?

Глеб хмыкнул:

– Борь, ты ведь в курсе: я – сталинист. Так что, в первую очередь в Туруханский край съездить надо. Иосифа Виссарионовича привезти оттуда...

Анненков помолчал, затем негромко пропел: «И вот сижу я в Туруханском крае, где при царе сидели в ссылке вы...»³⁸. Снова хлопнул Львова по плечу:

– Черт с тобой! Езжай! Только учти: времени на то, чтобы тут рассусоливать, у тебя нет ни фига. Быстро приехал, забрал, вернулся. Красотами Сибири потом любоваться будем... – Тут он нехорошо усмехнулся. – Особенно, если в жернова «сталинских репрессий кровавой гэбни» попадем...

³⁸ Алешковский Юз. «Песня о Сталине».

– Прекрати, – скривился Глеб. – Ты еще про героического Джемса Бонда вспомни и героического гениального Стрындищева...

– Кого?!

– Ну, Солженицына – разницы-то никакой...

Паровоз, выбрасывая в небо струю черного, плотного дыма, мчал курьерский поезд по Транссибу. В купе спального вагона сидели двое. Покуривали, попивали чай и молчали. По ходу поезда сидел генерал-майор с белым крестиком на шее и звездой «Владимира с мечами» на груди расстегнутого черного кителя Георгиевской штурмовой отдельной патроната Императорской фамилии дивизии. Напротив него расположился зауряд-прапорщик в белой гимнастерке той же дивизии, украшенной полным георгиевским бантом.

– Нуте-с, друг мой, Василий, – генерал вкусно отхлебнул чай и потянулся за лежавшим на тарелке бутербродом с ветчиной. – Какие у тебя идеи по нашей задаче? Как полагаешь действовать?

– Ну, так надобно сперва до этой Курейки добраться, – зауряд-прапорщик тоже взял с тарелки промасленный ломтик белого хлеба с розовым лепестком соленой ветчины, – а там видно будет, командир. Чего сейчас-то гадать? Доедем, оглядимся... Война план покажет.

– Ты у нас прямо Наполеон, – рассмеялся генерал-майор Львов. – Тот тоже говорил, что надо ввязаться в сражение, а там уже разберешься.

– Эка?! – удивился зауряд-прапорщик Чапаев. – Выходит, Глеб Константиныч, что я прям Бонапартий?

– Ага. И помрешь ты на Святой Елене...

– Прям на святой? И она меня до себя допустит?

– Обязательно! – веселился Львов. – Только ты уж смотри, не говори ей, что не Бонапарт, а Чапаев. Иначе – все!

– Что?!

– Не помрешь...

– Да тьфу на тебя, командир, – притворно обиделся Василий. – Сам знаю, что почти ничего и не знаю, а ты еще смеешься...

– Однако, – удивился Глеб, перестав смеяться. – Ты сегодня прямо афоризмами историческими сыплешь. Был, Василий, такой древнегреческий ученый, Сократом звали. Так вот, когда его спросили, много ли он знает, Сократ ответил: «Я знаю, что ничего не знаю». Так-то вот, Вася.

Львов открыл портсигар, взял папиросу и предложил Чапаеву угощаться. А потом принялся рассказывать ему про остров Святой Елены, про кампанию двенадцатого года и про битву при Ватерлоо. Василий Иванович слушал так внимательно, что даже рот приоткрыл. Когда история дошла до разгрома каре Старой гвардии, Чапаев аж кулаки стиснул...

– ...Англичане навели на «старых ворчунов» пушки и предложили сдаться. И тогда маршал Лефевр, командовавший Старой гвардией, крикнул им в ответ: «Гвардия умирает, но не сдается!»³⁹

– И правильно! – одобрительно рявкнул Василий. – Лучше уж помереть вместе со своими, чем вот так – хвост поджаты и винта положить!

– Верно, Василий, верно. Правда, говорят, что фразу эту потом придумали, а на самом деле Лефевр им такое ответил, что не то, что написать, а и подумать-то стыдно...

³⁹ Львов, ошибается. Эти слова приписывают генералу Пьеру Камбронну, командиру 1-го полка пеших егерей Старой гвардии. В остальном история, в общем, верна.

– И это тоже правильно, – засмеялся Чапаев. – Когда тебя враги окружили да убивать сейчас начнут – нешто станешь красоты придумывать? Пошлешь по матушке, вот те и вся отходная...

За разговорами время летело быстро и незаметно. Поездка до Красноярска заняла целых четверо суток, но их как-то и не ощутили. Когда Чапаев уходил к ехавшим в обычном пульмановском вагоне унтерам, Глеб заваливался на полку и читал толстый роман Эмиля Золя «Разгром». В прошлой-будущей жизни Маркин читал эту вещь, но в переводе, а теперь, когда ему достались знания и умения дальнего родича князей Львовых, ему пришла в голову фантазия познакомиться и с подлинником. Когда же Василий возвращался, Глеб пересказывал ему перипетии сюжета, объяснял историю окружения французов у Меца и Седана, а тот даже записывал что-то в книжечку.

– Вась, а зачем ты это записываешь?

– Эх, командир, вот доведется мне в академии военной учиться, а вдруг спросит кто: что там, мол, случилось у французишек под Седаном? Верно, не знаешь, Чапай? А тут-то я им все и выложу: и про пушки хреновые, и про Мольтку, и вообще...

– Ишь ты! Дельно, – Глеб поднял руку, словно бы поправляя очки. Последние годы Маркин ходил в очках и привык к ним, а теперь Львов просто повторял привычные жесты... – Быть тебе, Чапаев, командиром дивизии, это я тебе точно скажу.

В Красноярске Львов получил известия, весьма его огорчившие. Последний пароход из Енисейска до Монастырского – центрального населенного пункта Туруханского края – уходит не позднее первого августа. Придя же в пункт назначения, встает на прикол, на зимовку. До Енисейска тоже надо добираться по реке. А времени все меньше и меньше...

– ...Значит так, парни... – Львов, переодетый в простую полевую форму, привстал из-за стола. – Действовать надо быстро и решительно. Лейба, – обратился он к фельдфебелю Доинзону, – на тебе – транспорт. Топаешь на пристань и подыскиваешь какой-нибудь катер, парходик, одним словом – некую лайбу, которая может довезти нас до Курейки и обратно. С тобой Кузякин пойдет...

– Сделаем, командир, – наклонил голову Доинзон. – Извините, я только хочу поинтересоваться: обязательно покупать, или можно взять в аренду?

– Делай как хочешь, только без разбоя.

– Ну, это таки понятно, – развел тот могучими ручищами.

– Чапаев. Пойдешь в городскую думу и вырвешь из них для нас документы на эту поездку. С тобой идет Сазонов. Делай, что хочешь и как хочешь, но чтобы к вечеру бумаги нам выправили.

Василий Иванович молча кивнул и с независимым видом откинулся на спинку стула. Положение командирского наперсника обязывало его держать марку...

– Семенов, Варенец, Гагарин. Вам пока дела нет, так что сидите здесь в гостинице в качестве тревожной группы. Оружие без нужды не показывать, но исполнять не задумываясь. Вопросы?

– Никак нет, – в унисон рявкнули штурмовики.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул Глеб. – А я – в управление полиции. Нужно добыть личные дела интересантов и письмо в управление полиции Курейки. Отношение от жандармерии у нас уже есть...

...Доинзон достаточно быстро отыскал то, что ему нужно. Небольшой пароход «Алатырь-камень», лишь чуть длиннее начертанного на борту названия, оказался хорошим ходком, не слишком прожорливым, так что запаса угля ему должно было хватить на рейс до

Курейки и обратно. Трое матросов, четверо кочегаров, механик, боцман и капитан – он же лоцман, вот и все. И таки если вдруг эти соленые души... то есть не соленые – откуда здесь соль?! Короче, если эти поцы додумаются своими головами до чего-то нехорошего – восемь георгиевцев с ними справятся только за здрасьте. И щоб он так жил, как эти бычки енисейские поплывут по речке к океану!

Сговориться с капитаном оказалось не сложно. За все про все он запросил тысячу тридцать четыре рубля. Доинзон удивился такой не ровной сумме, но капитан быстро пояснил: пятьсот рублей – ему лично, двести – механику, остальное – команде, с учетом доплаты кочегарам. Уголь и питание команды – за счет нанимателя. Расчеты удовлетворили фельдфебеля, и он извлек из кармана пачку денег, отсчитал три петровских билета и протянул капитану:

– Это за фрахт и за продукты. И чтобы ветчина таки кошерная...

– Не бойсь, жид, даже икра кошерная найдется, – гоготнул капитан, сложил и спрятал деньги в карман.

Они ударили по рукам, и Доинзон вместе с ефрейтором Спиридоном Кузякиным двинулись в гостиницу, чтобы сообщить о выполнении задания...

Красноярский полицмейстер полковник Бекетов был приятно удивлен. Первый свой визит посетивший город герой, один из «спасителей Отечества», генерал-майор Львов – тот самый, который в одном строю вместе со своими солдатами ворвался в германские окопы, лично уничтожил три пулемета, два бетонных укрытия и больше сотни вражеских солдат и офицеров! – так вот, он нанес свой первый визит именно ему.

Бекетов разливался соловьем перед столичной знаменитостью, одновременно пытаясь понять: что же такого могло понадобиться герою, о котором и до сих пор кричат все газеты, от простого, провинциального полицмейстера? Причина визита вроде бы была на поверхности: Львов воевал на Балканах вместе с племянником Бекетова, а потому и зашел по-свойски к родственнику своего соратника. Но полковник недаром прослужил в полиции двадцать три года и чувствовал, что за пустой светской болтовней Львов скрывает что-то очень важное. Важное и просто необходимое этому покрытому шрамами фронтовику. Но что именно? Полковник терялся в догадках, но так и не мог отыскать хоть сколько-нибудь удовлетворительного ответа...

А тем временем генерал пересказывал последние столичные сплетни, интересовался здоровьем многочисленной бекетовской родни, расспрашивал о видах на охоту и шутил о положении в городе. В свою очередь полковник обстоятельно расписывал охотничьи угодья, обещал показать свое собрание манков на рябчика, острил о местных купцах и самоедах да жаловался на местных варнаков – совершеннейших дикарей, слово чести!

Разговор катился медленно и лениво, словно Волга в нижнем течении. Уже Бекетов осторожно предложил генералу пообедать вместе и поразился тому, как легко тот принял его предложение, уже пообещал угостить местным «деликатесом» – пельменями, которые вряд ли можно сыскать в Петрограде, предложил выпить китайского вина – сладкого и непривычного для европейца, а к истинной цели визита генерала так и не подобрался.

Полковник уже подумывал о том, что с возрастом теряет хватку и ошибается, когда из приемной донесся подозрительный шум, а потом болезненный вскрик. Дверь распахнулась, и в кабинет влетел ефрейтор Георгиевской дивизии.

– Командир! У нас – триста! Лейбу на пристани порезали!..

Бекетов вздрогнул: лицо Львова, и так не обремененное лишней красотой из-за жутковатого вида шрамов, вдруг приобрело какой-то совсем уж дьявольский вид. На секунду оно превратилось в маску смерти – холодную, мертвенно-застывшую и спокойную до беспримерной жестокости. Это продолжалось всего один миг, но и этого хватило, чтобы полковник инстинктивно вжался от непереносимого ужаса в спинку своего кресла.

– Прошу извинить, господин полковник, – Львов встал и коротко кивнул, прощаясь. – Я вынужден покинуть вас: дела...

...Фельдфебель Доинзон заметил четверых подходящих к нему личностей вполне каторжного вида еще шагах в двадцати. Но бывший одесский амбал понадеялся на свою чудовищную силу, боевые навыки, парабеллум в кармане и финку за голенищем сапога.

Когда варнаки перегородили дорогу фельдфебелю и шедшему с ним рядом молоденькому ефрейтору, Доинзон прокашлялся и рывкнул командным голосом:

– Слушайте ухом, почтенные! Если кто-то имеет мне что-то сказать – говорите оттуда, я замечательно слышу!

– Эй, пархатый, а ну-ка, подь суды, – прохрипел один из потенциальных каторжан. – Шевели мослами: сурьезные люди разговор до тебя имеют.

– Да? – нарочито удивился Доинзон. – Таки почему бы им не иметь разговор между собой?

И в ту же секунду он резко отшагнул в сторону и перехватил руку еще одного варнака, подкравшегося сзади.

– Брось, железяку, – прошипел Доинзон, выворачивая из руки нападавшего нож. – Брось, или я сейчас очень сильно огорчу твою старенькую седую мамашу...

Четверо кинулись к нему, но фельдфебель уже сломал захваченную руку и выхватил из кармана пистолет.

– Мне сдается, что таки кто-то нажил себе большие проблемы! – произнес он. – Оптом и задешево!

Парабеллум плюнул огнем раз, другой. Спиридон Кузякин рвал из-под гимнастерки тяжелый кольт, но тот зацепился за пояс штанов и все никак не хотел вылезать...

Вот почему оба не обратили внимания на варнака со сломанной рукой. Тот уже перестал стонать, подхватил нож уцелевшей рукой и теперь медленно подползал к фельдфебелю...

– Сзади!

Лейба Доинзон обернулся на крик напарника, и это спасло ему жизнь. Но не спасло здоровье. Удар, направленный сзади в печень, пришелся в живот, на палец выше пряжки форменного ремня. Кузякин точно, как на занятиях с командиром, ударил ногой, ломая разбойнику шею. Ефрейтор сделал это, что называется, «на автомате», поэтому ни одного живого пленника у них не осталось. Доинзон стрелял хорошо, и с пятнадцати шагов уже давно не промахивался. Трое нападавших лежали, получив пули точно в головы. Четвертый успел куда-то юркнуть, а Кузякин не стал его преследовать: не до того. Он срочно отыскал чью-то коляску и, выбросив из неё кучера, отвез раненого в больницу. А оттуда уже помчался за командиром...

Львов немедленно позвонил по телефону в гостиницу и приказал всем срочно прибыть к пристани, в полном боевом.

Получив приказ, оставленный за старшего зауряд-прапорщик Варенец на всякий случай уточнил:

– Командир, и пэпэша с собой брать? – но тут же вытянулся во фрунт, услышав звенящее спокойное:

– Варенец! Повторите приказ!

– Прибыть к пристани в полном боевом, командир...

– Вопросы? Нет? Выполнять!

Варенец раскрыл чемодан и вытащил оттуда ПППШ – «пистолет-пулемет штурмовой». За ним еще один, и еще...

– Разбирай оружие! Тесаки, пистолеты – с собой. Магазины и патроны рассыпью – в ранцы, с запасом!..

...По дороге к пристани Львов заехал в оружейный магазин.

– Чего изволите, ваше превосходительство? – угодливо склонился хозяин.

– Патроны к маузеру С-96 имеются?

– Как же-с... Сколько прикажете?

– Все.

– То есть как? – опешил хозяин. – Ваше превосходительство, как это «все»?

– Все, сколько у вас имеется в наличии, – терпеливо пояснил Львов. – Вы меня хорошо слышите?

– Д-да, но... их же пять тысяч, без малого, – пролепетал хозяин, подрагивая брюшком и подбородком. – Пять тысяч, ваше превосходительство...

– Очень хорошо. Спиридон, – обратился Глеб к ефрейтору, – прими. Сколько я вам должен?

– Э-э-э... Одну минуту, ваше превосходительство, – зачастил купец. – Коробка в сорок патронов стоит рубль шестьдесят две копейки... Значит за сто девятнадцать коробок... это будет, – и он потянулся за счетами.

– Не трудитесь, – сухо обронил Львов. – Вам надлежит сто девяносто два рубля семьдесят восемь копеек. Потрудитесь получить...

Он достал портмоне, вытащил из него две сотенные бумажки, аккуратно взял сдачу и помог Кузякину загрузить коробки в услужливо предоставленный хозяином холщовый мешок. После чего они широкими шагами вышли из магазина, проигнорировав пожелание хозяина: «Хорошей охоты, ваше превосходительство»...

Этот день обыватели Красноярска запомнили надолго. В четыре часа пополудни в районе Нахаловки – эдакой красноярской Хитровки – загремели первые выстрелы, а потом стрельба не прекращалась практически до самого рассвета. Львов решил преподать местному уголовному миру памятный урок и взялся за дело с такой яростью и такой энергией, что даже издававшие виды обитатели Нахаловки еще долго пугали друг друга злым пожеланием: «Да чтоб тебе генерала Львова увидеть!»

Выяснив, где может прятаться последний участник нападения, Глеб повел своих штурмовиков в атаку. В первом же попавшемся на глаза замухрыжистом трактире он получил информацию о месте пребывания нескольких «иванов⁴⁰». Оставив после своего ухода полсотни трупов тех, кто не пожелал делиться ценной информацией, а «разговорчивых» посетителей трактира – в полуобморочном состоянии от ужаса и боли, Львов со своими бойцами взял штурмом первую же «иванову хату».

Самого ивана захватить живым не удалось. Очередь из ППШ прошла слишком удачно, а может, и наоборот – неудачно, поставив точку в карьере старого каторжанина. Но двух его подручных штурмовики захватили живыми. Следующие полчаса они отчаянно завидовали своему покойному патрону, на все лады проклиная тот день, когда родились на свет, а больше всего – тот момент, когда им самим удалось увернуться от пули. Экстренное потрошение в исполнении Львова и его команды всегда вызывало нарекания Анненкова-Рябинина излишней жестокостью и эмоциональностью, на что, впрочем, Глеб всегда отвечал Борису, что его еще в детстве исключили из школы юных садистов за зверство...

Самым ужасным для пленников было то, что они понятия не имели: о чем их спрашивает этот оживший ночной кошмар в генеральском мундире! Но наконец их обычно дремлющий разум пробудился от дикой боли, и они с легкой душой сдали Львову всех остальных иванов Нахаловки, справедливо предположив, что тогда их оставят в покое. И их действительно оставили, милосердно подарив им покой. Вечный...

⁴⁰ Так в России в начале XX века именовали воров в законе.

Следующего главаря захватили в тот момент, когда тот, встревоженный стрельбой, собирался убраться куда подальше. Вместе с одним из хозяев преступного мира в руки штурмовиков угодили его подельник, скупщик краденого – марвихер, который принес «долю в общак», и вульгарно размалеванная девица – хозяйская маруха.

Очередь из ППШ в потолок настроила всю компанию на мирный лад. У захваченных изъяли оружие, после чего приступили к допросу и «мерам устрашения четвертой степени».

При этом действе присутствовали, хотя и невольно, местный околоточный с двумя городскими. Они прибежали на выстрелы и оказались мгновенно разоружены и крепко привязаны к стульям. Глеб махнул рукой:

– Полиции ущерба не наносить! – и повернулся к раздетому догола марвихеру. – Повторяю свой вопрос, любезный: кто держит пристань? Вы отвечайте, не заставляйте нас делать с вами то же, что и с этим, – и он слегка указал рукой в сторону кровати, на которой лежало окровавленное, полуживое существо, еще пять минут назад бывшее гордым иваном. – Вы все равно все расскажете, просто после такого живым мы вас не отпустим.

Следующие пять минут были наполнены дикими криками, стонами и визгами, а еще горловыми утробными звуками – полицейских тошнило.

– Спиридон!

– Слушаю, командир!

– Дай блюстителям порядка воды: их-то мучить не за что.

– Слушаю! – И в губы околоточного ткнулся ковш с водой, – Пейте, вашбродь, пейте. И рот прополощите: легче будет, я знаю...

Ефрейтор Кузякин не погрешил против истины: он хорошо помнил, как всего год тому его самого крутило и рвало еще почище полицейских. И как его отпаивали водой – тоже помнил прекрасно...

Пока Спиридон поил городских, штурмовики принялись за маруху, чем и свели на нет все усилия сердобольного генерала и его верного ефрейтора, так что Кузякину пришлось повторить процедуру...

– В-ваше пре-пре-превосходительство, – проблеял отдышавшийся околоточный. – О-оставьте вы в покое эту погань. У нас на пристани самый главный – Меркул.

– Спасибо, – на изуродованном шрамами лице мелькнула короткая улыбка. – Покажете, где он обитает?

– Д-да, конечно, ваше превосходительство! Я – с радостью!

Радость околоточного Огурцова была искренней: Меркул не входил в число его «опекаемых», подарков на день Ангела и на престольные праздники не носил, так что сдать его суровому генералу с изуродованным лицом – дело хорошее и благородное. Правда, жаль здешнего ивана, да и Клусачева – того самого марвихера – тоже жаль: им обоим да и марухе Верке просто и равнодушно полоснули клинками по горлу. Не видать от них больше «барашков в бумажках». Но это и ничего: новые придут – свято место пусто не бывает! – снова отдавать станут. А вот увидит местный сброд, как Огурцов вместе со страшным генералом идет, – уважения прибавится. Да и бояться будут: вдруг Огурцов попросит заступничества, а генерал возьми, да и помоги?! Храни господь!..

...Меркул на далекую стрельбу внимания не обращал: мало ли? В Нахаловке то и дело кто-то кого-то кончает. Жизнь человеческая такая. Потому-то, когда в маленький кабак влетел дурной мухой мелкий воришка Чалый и заорал дурноматом: «Меркул, тикай! Облава!» – старый вор просто не поверил. Не бывает таких облав, которые совсем не подготовлены, казаки не оцепили Нахаловку, и по улицам не шляются десятки городских. Так что появление Львова с сопровождающими его лицами стало для Меркула очень неприятным сюрпризом...

О том, что произошло дальше, сибирские уголовники с содроганием вспоминали еще во второй половине XX века. И их рассказы обрастали все более и более жуткими подробно-

стями. Говорили, будто страшный генерал заставил Меркула лично распилить на улице живого участника нападения на Доинзона пополам, что местных жителей построили в шеренгу, рассчитали на первого-второго-третьего и всех невезучих третьих тут же и расстреляли, что прилюдно кастрировали всех марвихеров, чтобы не размножалась эта сволочь в России...

На самом деле, все было и проще и страшнее. Меркула и всех, кто под ним ходил, попросту расстреляли, предварительно вытряхнув из самого ивана информацию об общаке. Остальных жителей Нахаловки, действительно, заставили присутствовать, а по окончании экзекуции страшный генерал вытолкнул вперед замирающего от восторженного ужаса околоточного надзирателя Огурцова и сказал:

– Вот отныне ваш царь и бог! Ежели он мне только шепнет, что вы, варначье, что дурное задумали, честью клянусь: приеду со всей нашей дивизией и спалю всех на х..., чтобы и духа вашего поганого на свете не осталось.

Говорил Львов негромко, но слышали его все собравшиеся. После чего Львов и штурмовики попросили околоточного проследить за здоровьем их друга, оставленного в больнице, не отказались отужинать «чем бог послал» и ушли, оставив Красноярск в ужасе, но куда более спокойным, нежели до их приезда...

«Алатырь-камень» ходко бежал по Енисею вниз. На корме пароходика, так, чтобы не накрывало густым черным дымом из трубы, расположились штурмовики вместе со своим командиром. Снайпер Гагарин развернул прихваченную тальянку, и над великой сибирской рекой разнеслись веселые похабные частушки:

На окошке – два цветочка:
Голубой да палевый...
В Волге тонет пароход
С б...и из Макарьева!

Ай, горняшка, ай, Дуняшка,
Нынче я к тебе приду!
Подарю тебе платочек,
Ты подставишь мне п...!

Матросы одобрительно похохатывали, но ржать в голос не рисковали: вдруг генерал обидится? Но Глеб не обижался. Впрочем, он и не слушал эту разудалую похабень: других дум хватало. Например, как забрать всех ссыльных из этой чертовой Курейки и как потом отсортировать кого надо от тех, кого не надо?..

Гармонь взвизгнула в последний раз и замолкла. И тогда вдруг штурмовики услышали, что их командир что-то задумчиво напевает. Тихо-тихо, но...

Чапаев ткнул Гагарина в бок, и тот бросил пальцы на кнопки трехрядки. И над Енисеем полилась тихая, задумчивая мелодия...

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Кто-то из матросов попробовал было подпеть, но Варенец шикнул на него и показал могучий кулак.

Штурмовики, особенно из тех, кто начинал со Львовым в одной роте, любили слушать песни командира. Во-первых, Глеб обладал неплохим голосом и хорошим слухом, во-вторых – он иногда пел такие песни, что солдаты только диву давались: откуда офицер из господ мог такого набраться? Вот и теперь...

Отец твой давно уж в могиле,
Землею засыпан лежит,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит.

Пойдем же, пойдем, мой сыночек
Пойдем же в курень наш родной,
Жена там по мужу скучает,
И плачут детишки гурьбой.

Ну, это он, на приклад, у атамана Анненкова мог подцепить. Тот вроде ж – сибиряк, вот и нахватался. Хотя песня явно из тех, за которые начальство по голове не погладит... А это он чего такое завел?..

Угрюмый лес стоит вокруг стеной;
Стоит, задумался и ждёт.
Лишь вихрь в груди его взревёт порой:
Вперёд, друзья, вперёд, вперёд, вперёд!

В глубоких рудниках металла звон,
Из камня золото течёт.
Там узник молотом о камень бьёт, —
Вперёд, друзья, вперёд, вперёд, вперёд!⁴¹

Гармонь легко подхватила простой мотив. Когда же Львов второй раз повторил рефрен «Вперёд, друзья, вперёд, вперёд, вперёд!», Гагарин вдруг впел в песню свой ломкий тенорок:

Иссякнет кровь в его груди молодой,
Железа ржавый стон замрёт.
Но в недрах глубоко земля поёт:
Вперёд, друзья, вперёд, вперёд, вперёд.

Теперь припев подпевали уже все. Даже матросы рискнули подхватить знакомые слова, однако не в полный голос. Песню теперь вел Чапаев, и его красивый и сильный баритон звонким эхом разносился над заросшими тайгой берегами:

Кто жизнь в бою неравном не щадит,
С отвагой к цели кто идет,
Пусть знает: кровь его тропу пробьет, —
Вперёд, друзья, вперёд, вперёд, вперёд.

⁴¹ Слова А. Вермишева, музыка народная: «Вперед, друзья!»

Концерт оборвался также внезапно, как и начался. Львов огляделся, словно бы опомнившись, хлопнул себя полевой сумкой и ушел в свою маленькую каюту, которую он делил с Чапаевым и механиком. Василий поспешил за командиром, по опыту зная: что-то придумалось, и сейчас Глебу Константиновичу просто необходим верный слушатель.

Остальные же остались на палубе. Ощутимо похолодало, и георгиевцы вытащили из трюма здоровенный самовар. Командир не любил, когда в походе грелись водкой, хотя и не чурался вовсе доброй выпивки с хорошей закуской...

К собравшимся вокруг самовара подошли свободные матросы и кочегары. Вежливо спросили разрешения и присели в общий кружок. Варенец выложил прямо на доски сахар на шоколадной бумажке, кто-то из кочегаров, помявшись, положил рядом холщовый узелок с домашними шаньгами...

– А что, господа кавалеры, ваш енерал-то на каторге бывал? – спросил один из кочегаров – жилистый и нескладный Чаппаров.

Штурмовики дружно хмыкнули. Семенов, тоже сибиряк, оскалился, показав по-волчьи желтоватые крепкие зубы:

– Ту каторгу, милосердие, на которую командера сошлют, только пожалеть и останется, – уверенно произнес он. – Да и не долго ей каторгою при таком арестанте быть...

– А что песни каторжанские поет – так это потому, что за народ он, – добавил Варенец.

– Енерал – и вдруг за народ?! – недоверчиво хмыкнул матрос Черных. – Чудно, однако, господа кавалеры...

– Чудно, – согласился Семенов. – Чудно, а только святая истинная правда. Ён и дружок его – атаман Анненков, вовсе странные люди, на других господ вовсе не похожие.

– За нас стоят, – прибавил унтер Сазонов. – И командиру, на приклад, разницы нет: барин или крестьянин. Он за правду стоит: который воюет – честь ему и слава. Который пашет – хлеб ему и земля. А барину – кукиш с маслицем! Ежели, конечно, барин ентот не воюет...

– Да нешто так бывает?!

– Бывает. Бог – не Тимошка, видит немножко. По деревням вовсе жизни не стало. Вот господь и сподобил атамана да командира за народ слово замолвить да плечико свое подставить...

Матросы еще долго дивились чудесам, которые рассказывали штурмовики за чаем, и разошлись смущенные и задумчивые. Генералы – за народ встают? Чудны дела твои, господа...

А тем временем Львов и Чапаев, обсудив пришедшее в голову Глеба решение, сыграли четыре партии в шашки и улеглись спать. К делу в Курейке нужно приготовиться...

4

НЬЮ-ЙОРК. Взрыв динамита и боевых снарядов, находившихся в складе на небольшом островке в бухте Нью-Йорка, сопровождался значительным числом человеческих жертв и большими разрушениями.

В городе полагали, что ввиду раннего часа, когда произошел взрыв, число погибших рабочих будет невелико; однако в госпитали теперь уже доставлены 75 человек.

Сообщают, что причиной взрыва послужил пожар, начавшийся на складе боевых припасов и распространившийся на лихтер, груженный шрапнелью. Пулями взорвавшихся снарядов, по-видимому, был вызван взрыв динамита, нагруженного на железнодорожные платформы.

Остров представляет собой груды развалин.

Погибли 40 тысяч тонн сахарного песка и 13 товарных складов. Повреждены 6 пристаней.

Слегка пострадала статуя Свободы.

«Русское слово». 1 августа 1916 г.

«Бешенка»

Таким названием окрестили поволжские «туземцы» столичную публику, оставшуюся без заграницы и потому хлынувшую на Волгу.

В некоторых казанских конторах пароходств продажа билетов I и II кл. прекращена на несколько дней, причем, по словам «Перм. Ж.», оказалось, что билеты от Н. Новгорода до Астрахани закуплены в Петрограде и Москве богатой публикой, отдыхающей на пароходах от делового безделья.

Праздношатайство столичных жителей ставит в невыгодное положение людей, отправляющихся на пароходах по делам. Эти люди остаются за бортом или ютятся в столовых, на палубах. Матросы пароходов столичную публику называют «бешенкой», от которой им пользы мало. Буфетчики, по словам официантов, «золотятся». Извозчики пристаней тоже стали примечать «бешенку», которая им платит столько, сколько запросят. Хорошо, – добавляет наставительно газета, – что все русские деньги столичных жителей остаются на Волге. Но нехорошо, что для этих денег Волга оказалась непригодной.

«Вечерний курьер» от 2 августа 1916 г.

Телефонирование по секрету

Иногда в комнате, где помещается телефон, находятся люди, при которых вам не хотелось бы вести беседу, а между тем вам крайне нужно немедленно поговорить по телефону. Создается очень щекотливое и неприятное положение, ибо присутствующие при всем добром желании не слушать все же услышат, о чем вы будете говорить в телефон.

В этом случае является на помощь изображенный на рисунке аппарат. Он состоит из круглой коробки, насаживаемой на разговорную трубку телефона и по своему устройству обладающей способностью чрезвычайно усиливать звук.

Надев этот аппарат, вы можете еле слышно шептать в него, а ваш телефонный собеседник будет слышать вас так же отчетливо, как если бы вы говорили не слабым шепотом, а обыкновенным голосом.

«Раннее утро» от 5 августа 1916 г.

Курейка – маленький поселок, затерявшийся где-то далеко за Полярным кругом в беспредельной туруханской пустыне. Самое северное поселение Туруханского края. Про Курейку можно без преувеличения сказать: она находится на краю земли.

Зима длится восемь-девять месяцев, и зимняя ночь тянется круглые сутки. Ни хлеб, ни овощи никогда не росли, не растут и расти не будут, пока человек не одержит полной и окончательной победы на природой и климатом. Тундра и леса переполнены дикими зверями, в реке – рыба. Они-то и составляют основу местного рациона. Простая теплая избушка представляется здесь чем-то сродни дворцу, великолепному отелю люкс, роскошному особняку... И вот здесь, в глуши Туруханского края, в маленькой заброшенной Курейке, жили ссыльнопоселенцы.

В тот день Иосиф Джугашвили плыл на лодке на рыбную ловлю. Он поднимался вверх по Курейке – на его старенькой посудине на широком и весьма беспокойном при сильном ветре Енисее делать нечего. А в этой изломанной крутыми зигзагами речке ловятся дивные налимы...

Потрепанная долгой жизнью и суровой погодкой лодочка шла довольно ходко. Джугашвили-Сталин усмехнулся: его первый друг в Курейке Артемий Сидоров подарил эту лодку за спасение жизни его дочери Вари. Вот уж не ждал, не гадал, что в Сибири придется из профессионального революционера и бунтаря переквалифицироваться во врача. Ну, пусть не во врачи – в фельдшеры...

Ссылка за Полярный круг и так – не сахар, а уж для южанина... И образован вроде, и грамотен, и в книгах умных читал про здешние места, но когда увидел воочию – святой Георгий! Был бы характером послабее – удавился б с горя...

Горстке местных жителей власти сообщили: сослан к ним страшный вор и каторжник по имени «Черный». А он и в самом деле оброс чернушей молодой бородой, хотя на голове его был волос рыжеватый. Первое время, когда он выходил на улицу, полудикие люди закрывались от него на все запоры. Не то, что продать какого припаса или помочь с делами – поздороваться боялись. И самое страшное – полное одиночество...

Прекратилось это случайно и резко. Однажды он шел к уряднику – отмечаться и вдруг услышал в одном из домишек детский хриплый крик. Постучался в дверь – нет ответа. Ударом сорвал дверь с крючка, вошел в дом и увидел умирающую на голой скамье девочку. Отец девочки спокойно спал на голой печке, мать чего-то варила на шестке и не оборачивалась на крик. Дети, которые были еще в доме, попрятались под топчан и скамейки от черного страшного человека.

Отодвинув от печи обмершую женщину, Черный заглянул в печь, обнаружил в нем котелок с кипятком, шипя от боли, обмыл руки, в кипятке же обварил ложку, открыл черенком ее рот больной девочки, заставив хозяйку посветить ему таганцом из рыбьего жира, осмотрел девочку и сунул ложку ей в горло. Она вскрикнула, и изо рта ее хлынул гной.

Лекарств в доме не водилось, а потому пришлось смазать горло девчушки рыбьим жиром. Завязал малышке горло своим платком, кивнул хозяйке да и ушел. Назавтра, а это значит в темноте же заполярной ночи, навестил девочку. Она уже играла с детьми, улыбнулась ему, и остальные дети от него не спрятались.

Отец, хозяин дома Сидоров, так зауважал ссыльного, что научил его ставить уды-подпуски под лед на налима и подарил ему свою старенькую пешню. А по весне отдал и лодку – старенькую, но надежную. Хотел Иосиф Виссарионович заплатить за посудину, да Артемий так оскорбился, чуть за нож не взялся: за дочку – старую лодку, и так неприлично мало, а тебе, Черный, деньги еще пригодятся...

С того дня и пошло: у кого что заболит – к нему идут. Лечи, мол, Черный, бо рука у тебя легкая, а голова – светлая. Хоть и черная...

– ...Навались! Левая – табань, правая – греби! – донеслось вдруг. – И-раз, и-раз!..

Сталину уже доводилось слышать такие команды – там, далеко, на Черном море. Где-то там, где совсем рядом его дом...

– Навались!

По Курейке летел свежевыкрашенный шестивесельный ял. Гребцы с такой силой упирали весла в воду, словно намеревались сломать их. Кроме гребцов на корме и на носу ялика сидели двое в военной форме. В этом не было бы ничего особенного: енисейские казаки частенько наезжали в Курейский станок – именно так они именовали Курейку, но больно уж их много: гребцы-то тоже в форме.

«Наверное, привезли еще кого-то», – решил Сталин и непроизвольно поежился, вспомнив свое собственное путешествие в Курейку. Две тысячи верст пришлось проделать не на пароходе, а на лодке, и эту поездку он запомнит надолго!

Но тут же возникло сомнение: если это – казаки, которые привезли нового ссыльного, то зачем им понадобилось плыть по Курейке? Их дорога теперь вверх по Енисею, до самого Монастырского, а там – парходом или воинской баржой. Что же это они здесь позабыли?..

Иосиф Виссарионович отвел свою лодочку в сторону, отгребая к отмели пологого берега. Кто их разберет, этих казаков? Еще перевернут из озорства его посудину, а купаться в здешней студеной воде как-то не хотелось... Краем глаза он заметил, как сидевший на носу военный поднял руку с биноклем. «Ах, шэн мамадзагло виришвило!»⁴² Разглядывает, словно в зверинец пришел, – зло подумал Сталин. – А вот попадись ты мне в горах...

Чем бы закончилась встреча в условиях сильно пересеченной местности, додумать Иосиф Виссарионович не успел. Сидевший на носу скомандовал что-то, ялик повернул нос и помчался прямо к нему, рискуя на всем ходу выскочить на песчаную косу. Но в последний момент гребцы резко затабанили, и ял, остановившись метрах в четырех, поравнялся со сталинской лодочкой.

Сидевший на носу человек встал и четко откозырял:

– Здравия желаю, товарищ Сталин!

От того, на чьих плечах Иосиф Виссарионович разглядел генеральские погоны, можно было ожидать чего угодно, но только не такого приветствия. Мысли понеслись вспугнутым табуном, но внешне Сталину удалось сохранить невозмутимость. Он лишь наклонил голову:

– Здравствуйте.

– Генерал-майор Львов, – отрекомендовался вновь прибывший. – Товарищ Сталин, у меня приказ Петроградской организации РСДРП(б) доставить вас в Петроград. – Тут он улыбнулся, и его изуродованное шрамами, откровенно страшное лицо вдруг приобрело какое-то мечтательное выражение. – Там скоро такие дела начнутся, а вы тут сидите...

Сталин молчал. Он знал, кто такой Львов. Из газет. Правда, он полагал его полковником, но видимо этот... этот... в общем, этот Львов карабкается вверх по карьерной лестнице почище, чем смешная птица поползень – по стволу дерева. Еще он получил письмо из Красноярска, в котором сообщали о каких-то генералах, примкнувших к партии большевиков. Но их фамилии не назывались, так что...

⁴² Ах, ты, отец собаки, сын ишака! (Груз.)

– Вам что-то нужно забрать из Курейки, или можно сразу на наш пароход? – между тем спросил генерал. – Если ничего особо ценного у вас нет, то все остальное можете смело бросить – потом пригодится для му... – тут он резко осекся и не договорил, но вопросительно посмотрел на Сталина.

– Я верю вам, – сказал после некоторого раздумья Иосиф Виссарионович. – Но у меня к вам два вопроса. Первое: что с местным приставом? Он жив?

– А что – нужно? – мгновенно переспросил Львов. – Если нужно, так это... – Он обернулся. – Семенов, Гагарин! Отправитесь в поселок и...

Откликнулись фельдфебель, по виду – сибиряк, и молоденький ефрейтор. Первый солидно кивнул:

– Слушаю, командир.

А ефрейтор, взявшись за длинный кожаный чехол, в котором, видимо, лежала винтовка, посмотрел на генерала чистыми, ясными глазами и спросил:

– Его как: сразу – или чтобы прочувствовал?

Львов вопросительно взглянул на Сталина, но тот отрицательно мотнул головой:

– Я просто хотел узнать, жив или нет господин Кибилов?

Львов пожал плечами:

– Так жив пока... наверное. Впрочем, понятия не имею: нашей операции он не помешает. А вот что касается здешней администрации, – его лицо приобрело вид оскалившегося хищника, – с этими – увы! Пока живы, но это – ненадолго. До завтра.

– Вот как?

– Вот так! – жестко ответил генерал и пояснил: – У нас на пароходе – две бочки водки. Сегодня все перепьются, а завтра выяснится, что участок сгорел вместе с персоналом...

Сталин помолчал. Несмотря на некоторые странные словечки, которыми генерал то и дело уснащал свою речь, его действия вполне понятны. Чего, правда, нельзя сказать о мотивах, но с этим – позже. Любое дело требует жертв, а Львов, кажется, еще и старается, сколько возможно, уменьшить число этих жертв...

Он кивнул и задал второй вопрос:

– Здесь есть еще ссыльные кроме меня. Что с ними?

– А кто конкретно? – снова быстро переспросил генерал. – И сколько их?

– Голощекин, Муранов, Бадаев, Каменев, – начал перечислять Сталин задумчиво. – Еще Спандарян⁴³, хотя он и плох – чахотка. Вера Швейцер, Петровский, потом еще Свердлов, Мартов...

– Чего? – изумленно уставился на Сталина Львов. – А что, эта сладкая парочка тоже здесь?! Вот, бл... – протянул он задумчиво. – Какая встреча, мать моя женщина...

Сталин снова удивился: теперь лицо этого странного генерала приобрело не просто хищное выражение, а эдакое удовлетворенно хищное. Такой могла бы быть морда тигра, который выслеживал олененка и вдруг обнаружил прямо перед собой огромную жирную свинью...

⁴³ Голощекин Филипп Исаевич (Исай Исаакович) (1876–1941) – русский революционер, советский партийный деятель. Исправно проваливал все дела, которые ему поручали. Один из гомосексуальных партнеров Н. И. Ежова. Осужден, расстрелян. Петровский Григорий Иванович (1878–1958) – советский партийный и государственный деятель. Бадаев Алексей Егорович (1883–1951) – советский партийный и государственный деятель. Муранов Матвей Константинович (1873–1959) – советский партийный и государственный деятель. Каменев Лев Борисович (Розенфельд) (1883–1936) – российский революционер, советский партийный и государственный деятель. Один из лидеров оппозиции Сталину. Осужден, расстрелян. Боград Яков Ефимович (1878–1919) – русский революционер, племянник жены Плеханова. Погиб в Гражданскую войну. Швейцер Вера Лазаревна (1887–1950) – российская революционерка, советский государственный деятель. Один из биографов Сталина. Член Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Мартов Юлий Осипович (Цедербаум) (1873–1923) – лидер меньшевиков. Друг Ленина. Инициатор исключения Сталина из РСДРП за экспроприации. Умер в эмиграции. Спандарян Сурен Спандарович (1882–1916) – русский революционер, публицист. Друг Сталина. В конце 1916 года умер в ссылке от скоротечной формы туберкулеза.

– Это ведь тот самый Мартов, который вас из партии исключал? – поинтересовался он каким-то мурлыкающим голосом. – Верно?

Сталин кивнул.

– И он здесь, в станке Курейка?

– Нет, он – в Монастырском...

– А-а-а... Это там же, где пристав Кибилов?

Новый кивок.

– М-да... Какая странная штука жизнь: пристав, который должен по долгу службы наблюдать за ссыльными, взял да и поехал рыбу ловить с этими самыми ссыльными. С Яковом Мовшевичем и Юлием Осиповичем... А лодка-то возьми, да и перевернись... Все утонули...

– Поехали? Утонули?

– Ну-у... Собственно говоря: они еще только собираются... то есть пока даже и не собираются, – Львов улыбнулся и вытащил из кармана кителя серебряный портсигар. – Угощайтесь... М-да, – он тоже закурил и выпустил в небо клуб дыма. – Но поедут. И утонут. Тут уж можете не сомневаться... А вот вы, товарищ Сталин, сказали про какого-то туберкулезника Спандаряна. Он сильно болеет?..

Курейка гуляла с истинно сибирским размахом. Бочка водки привела всех жителей в восторг, а когда она закончилась, из укромных мест стали извлекаться брага и различные настойки: на морошке, на зверобое, даже на мухоморах. Местные жители перепились до такого состояния, что еще долгие четыре дня после пьянки никак не могли прийти в себя.

Отсутствие ссыльного обнаружили лишь на третий день. С учетом того, что в станке⁴⁴ каким-то образом сгорела полицейская управа, отсутствие Черного никого не удивило. Правда, никто из местных жителей так и не мог вспомнить: с чего, собственно, все началось? Кто-то помнил какой-то пароход, кто-то утверждал, что урядник поймал спиртоноса, кто-то вообще плел что-то невероятное о каком-то генерале из самого Петрограда. Но все сходились в одном: ссыльный никуда не убежал, а сгорел вместе с полицией. По пьяному делу урядник Селиванов утащил ссыльного в управу, там продолжил возлияния и верно сжег себя вместе с поднадзорным. На том и успокоились, о том и доложили начальству, когда из Монастырского уже по льду пришли нарты с двумя казаками...

...В селе Монастырском хоронили пристава Кибилова, утопшего в лодке вместе с поднадзорными Свердловым и Мартовым. Рыть могилы в вечной мерзлоте – занятие не из приятных, поэтому тела, выловленные из Енисея, попросту обложили камнями, отпели и помянули.

Поминали серьезно. Приехавший на охоту на собственном пароходе столичный генерал – дай ему бог здоровья! – сильно Кибилова жалел и пожертвовал на поминак бочку водки и ведро спирта. Перепились все знатно: кое-кто даже вспомнил, что генерал – храни его богородица! – вместе с другими ссыльными пел «Вы жертвою пали в борьбе роковой», да как жалостливо выводил! Заслушаешься. Чисто дьякон. Куды потом он делся? Дык, он же на охоту приехал, вот и подался охотиться. Кого подстрелил? Да кто ж его знает? Подстрелил, верно, что-нибудь. Хозяина таежного свободно мог. Точно, хозяина и подстрелил. Ему еще кривой Кондрат показывал место, где берлога... Что? Отпирается Кондрат, не помнит такого? Так, вестимо, где ж ему упомянуть, когда его, болезного, на четвертый день водой отливали, чтобы в память пришел... А генерал уехал. Точно. Раз в Монастырском его нет, значит – уехал. А больше, ваше благородие, рассказывать и нечего – не помним. Пьяные, стал быть, валялись....

– ...Послушайте, называйте меня как-то покороче, – попросил Сталин. – У меня есть старое прозвище – «Коба», вот так и зовите. А то «Иосиф Виссарионович» – очень уж длинно.

⁴⁴ Станок (уменьшительное от «стан») – название небольших населенных пунктов в Сибири.

– Договорились, Коба, – улыбнулся Львов. – Только и вы меня тогда «Глебом» зовите. С кличками у меня промашка вышла: не водится как-то. Позывные... – Тут он осекся и некоторое время молчал, но потом продолжил: – Позывной – это для фронта, а тут все-таки – тыл...

– Хорошо, Глеб, – Сталин согласно кивнул и вернулся к предыдущей теме разговора: – Построить социализм в одной стране – это очень интересно, хотя и не по Марксу, но в возможно ли это в России?

Львов положил на столик в каюте портсигар, закурил и усмехнулся:

– Самое забавное, что есть всего две страны, где такое возможно хотя бы в принципе. И одна из них – Россия.

– Вот как? Докажите, – Сталин размял папиросу в крепких пальцах, чиркнул круглой серебряной зажигалкой. – Пока я вижу только аргументы «против»: слабая промышленность, еще более слабая система путей сообщения, малочисленный пролетариат... И как все это согласуется с вашим заявлением?

Глеб покурил, помолчал, раздавил окурок в пепельнице:

– Видите ли, Коба... Революцию, как смену общественно-экономической формации, можно провести и без пролетариата. Не в его отсутствие, разумеется, а без его участия. Переворот можно повернуть даже малым числом подготовленных людей – тут я согласен с народолюбцами и эсерами. Основной же вопрос состоит в другом: как удержать власть после переворота? Замечу, что задача усложняется гарантированной практически полной мировой изоляцией государства, выбравшего в результате революции социалистический путь развития.

– Да, это усложняет задачу, – согласился Сталин. – Значительно усложняет. Но в таком случае как раз и необходимы передовая промышленность и развитая система путей сообщения, нет?

Львов рассмеялся и взял новую папиросу:

– А вот то-то и оно, что вовсе не так! Промышленность можно развить и своими силами, ведь изоляция имеет и свои положительные стороны: собственность на патенты можно не соблюдать. А для подъема собственной промышленности требуются только рабочие руки и ресурсы. Рабочие руки найдутся легко: достаточно интенсифицировать сельское хозяйство.

– Что сделать? – заинтересовался Сталин. – Что?

– Интенсифицировать. Улучшить технологии ведения хозяйства: агрокультура, удобрения, механизация обработки земли, укрупнение обрабатываемых наделов.

Теперь надолго замолчал Сталин. Он размышлял, обдумывая услышанное, прикидывая и так и эдак, но так и не нашел ошибок в умопостроениях собеседника. Львов молчал, курил и ждал...

– Понятно, – сказал наконец Иосиф Виссарионович. – Да, это даст необходимое количество рабочих рук.

– Значит, краугольным камнем остаются ресурсы. Полезные ископаемые: руда, нефть, уголь... – Глеб подался вперед, – И вот в условиях внешней изоляции в достаточном количестве этим располагают только САСШ и Российская империя. Так что для построения социализма в отдельно взятой стране годятся только они. Причем Россия подходит лучше.

– Почему?

– Тут уже вступает в действие такое понятие, как национальный характер. В России, в условиях рискованного земледелия, в национальном характере развился коллективизм. «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось!» – так народ говорит. Так что интуитивно коллективное хозяйствование будет лучше принято именно в России, а не в какой-нибудь любой другой стране.

– Полагаю, что вы правы, – подвел итог Сталин. Взял со стола папиросу, закурил, помолчал. – Остается последний вопрос, – произнес он задумчиво. – Зачем вам все это нужно?

– Что именно? – удивился Глеб.

– Вот это все... – Сталин слегка повел рукой, – Зачем вам, успешному генералу, помогать большевикам вообще и Сталину-Джугашвили – в частности?

Глеб вздохнул. Опять. Опять придется пояснять, стараясь не рассказать больше, чем следует...

– Ну, если кратко, то... У нынешней России нет будущего. Я имею в виду – оптимистического будущего. Царь – он неплохой человек. Не злой, не сволочь... Не слишком умен, ну да так это не страшно. Если, конечно, речь не идет о правителе большой империи...

Львов налил себе стакан чаю, плеснул в него рому:

– Мы с Анненковым еще до нашей встречи поняли это. Каждый сам по себе. И начали, опять же каждый, прикидывать: кто мог бы заменить Николая?

– И, конечно, каждый примерил корону на себя, – с иронией заметил Сталин.

– Конечно, – не стал спорить Глеб. – Это хоть раз в жизни делает любой разумный человек. Примерили – и забыли об этом раз и навсегда.

– Почему?

– Потому что каждый из нас хорошо представляет себе свой потолок. Я – начальник Генерального штаба, максимум, а вернее – командир армии, фронта, командующий военным округом. Это – мой предел. Анненков – военный министр, и это – его предел...

Львов посмотрел на Сталина. Тот разглядывал его с любопытством, точно экспонат кунсткамеры, а затем произнес:

– Редко встречается тот, кто не хочет влезть на самый верх...

– Умные люди вообще – редкость... – согласился Глеб и продолжал: – Тогда мы, уже вместе, стали прикидывать: кто может стать лучшим правителем России и вывести ее из того тупика, в котором она находится последние лет сорок? И нашли двух таких людей. Это Ленин и Сталин.

Иосиф Виссарионович бросил на собеседника быстрый взгляд, но промолчал.

– Это – не лесть и не подхалимство. Россией должны управлять именно вы с Лениным и именно в той последовательности, которую я назвал.

– Почему?

– Ленин – теоретик, который, при необходимости, может стать практиком. Сталин – практик, который при необходимости станет теоретиком...

– И в чем разница? – в голосе Сталина звучал искренний интерес.

– Теоретик ищет новые пути, а, найдя их, действует жестко и жестоко, подгоняя практику под теорию. Жестокость Ленина намного превысит вашу, потому что вы, Коба, зная народ на практике, будете стараться не умножать его страданий без нужды. Что, разумеется, не делает вас белым и пушистым... Но вы будете подгонять теорию к практике, а никак не наоборот.

Сталин провел себя по заросшей щетиной щеке:

– Я черный и колючий, – усмехнулся он.

– Но в начале пути жесткость и где-то даже жестокость необходима. После же, когда устанавливается хоть какой-то порядок, накал нужно снижать. И тут вот теоретик уже не годится: он может искать кучу новых путей, а нужно идти избранным. Но и чистый практик не годится: избранный путь – не догма и не десять заповедей. Иногда нужно что-то менять, что-то исправлять, что-то корректировать. Поэтому необходим практик с возможностью становиться теоретиком. То есть товарищ Сталин...

– А если я ошибусь? – Сталин усмехнулся и недобро посмотрел на собеседника. – Вы меня тоже... как Мартова?

– Нет, – легко ответил Львов. – И скажу, почему. У вас, Коба, редкое качество соединять теоретическую глубину построений с практичностью реализации. Мы с Борей – практики. Нам вся эта теоретическая бодяга до одного места. Но вот что мы будем делать, когда жизнь поставит перед страной новые, еще никем не решенные задачи?

– Вы так говорите... словно знаете всё наперёд, – Сталин, не торопясь, вынул трубку и стал набивать её табаком, что всегда было знаком того, что он сильно задумался.

– Уже нет, – Львов усмехнулся. – История пошла по другому пути. Что-то возможно произойдёт так, как и было. А что-то сильно изменится. И тогда вы, товарищ генеральный секретарь Коммунистической партии большевиков, выберете, в кого нужно стрелять, что строить и строить ли вообще.

В каюте повисла тишина. Оба собеседника вперились глазами друг в друга... Прошла минута, другая...

– Сдаюсь, – прохрипел Львов, опуская глаза и чуть не свалившись со стула.

Сталин подхватил его, усадил назад...

– Я запомню ваши слова, товарищ Львов, – голос его звучал глухо, словно через слой ваты. – Я хорошо их запомню...

«Алатырь-камень» пришел в Красноярск ночью. Основную партию похищенных ссыльных разместили в трактирах на Старобазарной площади, а больной Спандарян, Львов с половиной бойцов и Сталин поселились в гостинице «Россия»⁴⁵. К больному тут же вызвали врача, бойцы привычно встали на боевое дежурство, а Львов и Сталин сидели в номере и играли в шахматы. Делать было нечего: поезд на Петроград отправлялся лишь поздно ночью...

Околоточный надзиратель Огурцов, получивший известие о прибытии «Алатырь-камня», заторопился. Надо, обязательно надо найти генерала Львова – дай бог ему всего самого лучшего! Ведь не просто же так его превосходительство поставил его, Огурцова, отвечать за Нахаловку. Надо показать, что не ошибся генерал, что Огурцов – человек полезный и преданный...

Собрать подношение – дело недолгое, тем более что Огурцов озаботился этим заранее. И собрал, кажется, достойно – в грязь лицом не ударишь, и все равно – ноги точно ватные, подгибаются, когда только-только еще к «России» подошел. Как на этаже этого зауряд-прапорщика увидал, который тогда ножом... ох, святители! И вспомнить-то страшно. А этот, усатый, улыбается так – узнал...

– Господин околоточный? Добро пожаловать... – И под ручку, под ручку...

У Огурцова сердце не то, что в пятки – сквозь землю-матушку провалилось. Рукой дрожащей вытащил из кармана двадцатипятирублевку и сунул ее усатому. Тот осклабился, зубы показывает:

– Никак к командиру, к его превосходительству Львову?

Язык отнялся. Только и смог кивнуть Огурцов да промычать что-то жалобное. И сверток с подношением показал. Усатый зауряд-прапорщик кивнул, ухмыльнулся чему-то:

– Так проходи, мил-человек. Их превосходительство в номере сидят, чай пить изволят...

Слава тебе, господи! Один, значит. Один на один такое сподручнее – подношенище-то...

Поскребся Огурцов в дверь, услышал, как рыкнул генерал: «Кто там телепается? Заходи!», воздуха в грудь набрал и вошел...

И обмер: генерал-то – не один вовсе. Насупротив него сидит за столом мужчина вальяжный, с усами чернящими, а волос на голове – в рыжину отдаёт. И когда б незнакомый, мужчина тот, а так-то ведь... Джугашвили это, грузин! Банк еще брал, и об том еще циркуляр был, о билетах петровских!.. Как же это, царица небесная?!

– А-ва-ва-ва...

Посмотрел генерал, усмехнулся:

⁴⁵ Располагается в Красноярске по адресу: ул. им. В. И. Ленина, 56.

– А, Огурцов? Что? Неужто не слушают тебя вахлаки местные? Смерти захотели? Так это мы – мигом... – И позвал: – Эй, кто там?! Чапаева ко мне!

Замотал головой Огурцов и с трудом просипел:

– Никак нет, ваше высокопревосходительство... Имеют страх варнаки... Вот, велели поклониться вашей милости... вашему сиятельству...

Поди ведь генерал не просто так – Львов, а из самих князей Львовых... А грузин... Так верно – тоже князь. Знающие люди говорили: у их на Кавказских горах каждый – князь. Хотя раз энтот с генералом сидит – верно, князь натуральный. Поди еще из царей грузинских... Ох, ты, да неужели?!!

Вспотел Огурцов, когда догадался. Верно, князь Львов с этим князем Джугашвили вместе банк-то и ограбили... Верное слово! И приехал генерал сюда не просто так, а дружка-то своего вытащить!

Околоточный с уважением посмотрел на грузина. Ишь ты, не выдал, значит, подельничка. Один в ссылку туруханскую пошел, а дружка своего с собой не потянул. Верно говорят: горские люди – народ верный, дружбу крепко блюдут...

А генерал тем временем повернулся к другу своему и говорит:

– Знакомьтесь. Это вот – околоточный надзиратель Огурцов. Я тут его вроде как смотрящим над местными урками поставил.

Слово незнакомое – «урка». Должно, французское...

Грузин голову наклонил:

– Джугашвили, – говорит.

А у Огурцова язык снова отнялся, только часто-часто закивал да и пакет из вощенной бумаги на край стола и положил.

Генерал взглянул на Огурцова, разорвал вощенку пальцами железными и деньги на стол вывалил. Посмотрел:

– Тысяч сорок – сорок пять?

Голос вернулся, и зачастил околоточный:

– Сорок шесть, ваше сиятельство, сорок шесть. Не извольте сомневаться: копеечка в копеечку. Это народишко велел, поклониться, значит...

– Неплохо, неплохо, – кивнул генерал головой. – Да вы присаживайтесь, Огурцов. Чайку?

– Не смею-с...

Пожал плечами генерал:

– Ну, дело ваше. Что-то еще?

– Народишко интересуется: коли мы, по скудоумию своему, сами не решим, дозволите ли правды у вас поискать?

Генерал бровь приподнял, а грузин хмыкнул.

– Ну а почему же нет? – спросил Львов. – Правда – штука нужная. Заходи, Огурцов, без церемоний. Правды отсыпем – всем раздашь, никого не обидишь...

Огурцов задом-задом, точно рак попятился к двери, а генерал ему вслед:

– Передай уркам, Огурцов: большевиков не трогать и помогать всемерно. Ясно?

– Так точно, ваше высокопревосходительство! – рявкнул из последних сил Огурцов, а сам – за дверь и бегом. К тому самому, усатому. Все ему обсказал, все пояснил и попросил передать генералу, что следующее подношение только зимой будет. К Рождеству, значит... Усатый попроще: пообещал, что ежели кто Огурцову что, так он лично из Питера прикатит и сам тут всем так!.. Небо им с овчинку станет... Околоточный аж прослезился: вот же человек! Все понимает! В следующий раз «катеньку» поднести надо!..

– ...Вот так, – усмехнулся Львов и разделил деньги на две равные кучки. – Двадцать три тысячи – на дивизию, и столько же – на партию.

– Умеешь ты с людьми общий язык находить, – в свою очередь усмехнулся Сталин. – Глеб, что ты этому околоточному сделал, что он тебе такие деньги притащил? Ты пояснял, но я как-то недопонял...

– А он теперь старший над всем местным преступным миром, – беззаботно махнул рукой Львов. – Я сказал местным урлоидам, что если он мне на них пожалуется – приеду вместе с полком и сожгу всех к нехорошей маме...

– А-а, так ты их лично убеждал? Тогда мало принесли...

И оба засмеялись...

5

День рождения Наследника Цесаревича. Назначение Наследника Цесаревича

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич назначается шефом 89-го пехотного Беломорского полка и 1-го Волжского полка Терского казачьего войска, которым именоваться впредь 89-м пехотным Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком и 1-м Его Императорского Высочества полком Терского казачьего войска.

«Русское слово» от 13 августа 1916 г.

Сбор опия

С первых чисел июля начался в Приморской области сбор опия, посев которого, как известно, воспрещен законом. В местах, более или менее населенных, посев мака маскировался кукурузой и подсолнечниками, но по северному побережью области белые, в цвету, поля мака разбросаны повсюду. Уже начиная от б. Кангауз до м. Майдя можно через каждые 3–4 версты встретить полдесятины – десятину мака.

Как передают «Н. Ж.», крестьяне сдавали под мак землю от 80 до 200 рублей за десятину.

В связи с начавшимся сбором опия в районах появились китайцы – скупщики продукта, а вместе с ними по области начали шляться подозрительные партии безработных китайцев.

Опий на местах скупается от 8 до 12 рублей фунт.

В местах, где сбор уже кончен, мак скашивается, сжигается и поле засеивается репой. Через 2–3 дня после этого от плантации мака не остается никаких следов, так как поле покрывается густой ботвой репы. Таким образом между китайцами и русской деревней происходит своеобразный обмен: китайцы импортируют к нам маньчжурский спирт (разумеется, контрабандный), а русские снабжают китайцев опиумом. Идиллия!

«Новое время» от 14 августа 1916 г.

Дорога назад в Петроград прошла без приключений. В Москве, где вся компания пересаживалась на другой поезд, расстались с больными Доинзоном и Спандаряном. Последнего отправили вместе с выздоравливающим фельдфебелем в Одессу: теплый климат и морской воздух должны были хоть как-то замедлить течение болезни. В дальнейшем Глеб очень рассчитывал на Сашеньку: с ее познаниями об антибиотиках можно было надеяться на благополучный исход. Он лично выписал раненому Доинзону отпускное свидетельство, потом приобнял его за плечи и произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.